

Эндрю Вулф

Маленькая мечта

16+

Эндрю Вулф

Маленькая мечта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57106988

SelfPub; 2020

Аннотация

Сказка для взрослых, основанная на реальных событиях. Алисе 16, но её жизнь похожа на кошмар наяву – у неё нет дома, семьи, образования, друзей и всего, что есть у любого подростка. Единственное, что у неё есть – это мечта, и в день её нового рождения – неожиданно для неё самой – она наконец исполнится. Но перед этим её ждёт долгое и изнурительное путешествие, наполненное воспоминаниями о прошлом и мыслями о грядущем, болью и радостью, слезами и смехом, потерями и находками, а также дружбой, любовью и многим-многим другим. Но чем оно закончится для неё? И стоит ли каждая мечта той цены, что приходится платить для того, чтобы сделать её явью?

Посвящается всем, кто не достиг совершеннолетия. А также всем, кто уже никогда не достигнет.

Пролог.

Он ждал.

Холодные и печальные глаза вгрызались в темноту ночи, уши стояли торчком, впитывая каждый доносящийся до них звук, ноздри вдыхали сотни самых разных запахов, из которых ему важен был лишь один, а когтистые лапы, покрытые чёрной шерстью, бесшумно ступали по мягкому белому снегу.

Кругом возвышались укрытые под белыми одеяниями высокие деревья с массивными и широкими стволами, с тёмного беззвёздного неба падал косой и мокрый снег. Раньше в этих местах шёл лишь мягкий и тёплый снежок, но теперь здесь всё было по-другому. Эта зима обещала быть по-настоящему холодной. Впервые за много лет.

Он не знал, сколько дней и ночей провёл так, абсолютно один блуждая по этому бесконечному лесу, долине и горам в поисках если не её, то хотя бы какой-нибудь ниточки, ведущей к ней. Она не могла просто так взять и исчезнуть или просто уйти. После всего, что было... это невозможно.

Он искал. Искал, где только возможно, перерыл каждую пещеру, каждый закоулок, каждый отнорок. Искал везде, где

был хотя бы мизерный шанс найти. Искал, пока наконец не смирился и не опустил лапы.

Теперь он просто ждал.

Опушка леса вывела его к знакомому и родному месту, за всё это время ставшему ему вторым домом. Он приходил сюда каждую ночь с тех пор, как потерял надежду и перестал её искать. Небольшое покрытое белыми барханами поле, со всех сторон окружённое лесом, плавно спускалось к озеру, сейчас скрытому под толщей холодного и запорошенного снегом льда. Ветер усиливался, тихо подвывая и пробирая его своим холодом до самых костей, снег сыпал всё обильнее, предвещая скорую метель.

Его это не волновало.

Спустившись к самому берегу, к самой кромке льда, он сел на задние лапы, после чего издал протяжный и душераздирающий вой, хоть луны на небе не было и в помине. Нет, он не звал свою стаю. Он звал её, в надежде, что она услышит этот зов, где бы ни была, и придёт на него. Вернётся к нему. Но шло время, а её всё не было, как и тысячи таких же ночей до этого. Возможно, эта станет последней.

Он улёгся прямо на холодный снег, вытянув лапы вперёд и положив на них морду, тихо поскуливая и вглядываясь тоскливыми, до краёв налитыми болью, яркими льдисто-голубыми глазами в размытый и неразличимый из-за поднимающейся бури, горизонт.

Шло время, и его глаза начинали смыкаться. Шерсть по-

крылась лёгким налётом льда, мороз украсил его морду маленькими свисавшими с неё сосульками. Тело дрожало от холода.

Но он ждал. Ждал её на том самом месте, где тёплыми, озарёнными сияющим солнечным светом днями они были здесь с ней. Только он и она, и больше никого в этом мире. И им не нужно было слов, чтобы быть счастливыми. Но теперь те дни позади, унесённые холодным ветром зимы. И он здесь один.

Но всё же он ждал. И будет продолжать ждать до самого конца, даже если она никогда уже не вернётся.

Больше ему ничего не оставалось.

Глава 1. Алиса в Стране не Чудес

Юность беспечная,
Волю сломившая,
Нежность сердечная,
Жизнь погубившая,
Срок приближается,
Сердце пленяется!

Артюр Рембо

"Ещё одно утро, – едва открыв глаза, обречённо подумала она, и застонала про себя. – Ещё одно говёное утро, за ко-

торым последует ещё один такой же говёный день. Вот дерьмо".

Тусклое и блеклое утреннее солнце едва заметно пробивалось сквозь окна, заклеенные матовым покрытием и отрывками газетных листов, немного освещая косыми лучами словно застывший во времени и вымерший, дом, и царившие в нём беспорядок и хаос.

Вымерший. Потому что живых людей тут давно уже не было.

Словно фрагменты сна или отрывки из фильма, в её голове пронесли события прошлой ночи.

Placebo – Teenage Angst

– Эй, эй, не гони! – раздался посреди пустой, освещённой фонарями улицы голос одного из её приятелей. – Мы попадёмся!

– Слышь, заткни свой рот, понял? – понизив голос до шёпота, гневно прошипел ему в лицо другой. – Нормально всё будет.

В компании было ещё человек пять, а сама она, еле держащаяся на ногах, обеспокоено озиралась вокруг. Каждый, даже малейший поворот шеи заставлял мир переворачиваться с ног на голову, а ей самой казалось, что она катается на какой-то бешено вращающейся по кругу карусели. Очень быстрой и весёлой карусели.

Резкий и ни с чем сравнимый звон разбитого стекла.

– УУУУУ! – на всю улицу оглушительно в один голос завизжали пьяные девушки (и, мало что понимавшая она, в том числе), глядя, как Джаспер (или как там его?..) вытаскивает из бардачка серого седана несколько сотен долларов, пачку сигарет, пару презервативов, а затем и главный триумф – вырванную с корнями увесистую радиомагнитола.

– Эй, какого дьявола тут происходит?! – это уже откуда-то сверху, похоже, из какого-то дома. – Ах вы, мелкие...

– Сматываемся! – крикнул кто-то из компании, и все помчались прочь с места преступления со скоростью ничуть не хуже, чем у спринтеров на беговой площадке. Она всё-таки умудрилась споткнуться, упасть и разбить коленку до крови, но в тот же момент её подняли чьи-то сильные руки и крысиные бега возобновились с новой силой.

Позже, после набега на супермаркет, они все уже сидели под мостом, пуская по кругу сначала бутылку портвейна, а чуть позже – жирный косяк. Но получить кайф ей на сей раз было не суждено – она вдруг почувствовала, что внутри неё, прямо в груди что-то пробивается и неумолимо движется вперед, наружу...

Она уже было приготовилась к тому, что из её пробитой грудной клетки сейчас вылезет какая-нибудь инопланетная тварь вроде той, что была в "Чужом", но она ошибалась – это было нечто хуже...

– Я ж говорил, что всё в оjure будет, а? – вновь обратился

Джаспер к другу, приложившись губами к бутылке. Затем добавил, хлопнув его по плечу: – Никогда не сомневайся во мне, братишка.

Всё это доносилось до неё откуда-то издалека, словно фон, а самих их она даже не видела – стоя к ним спиной, она видела перед собой лишь размытый бетон и невнятные очертания воды где-то впереди.

"Боже, я что, ослепла? Просто охренительно".

– Эй, дружище, может, споёшь нам? – крикнул Джаспер рыжему кудрявому парню, стоявшему неподалёку. – Или сыграешь что-нибудь? Ты ж умеешь. Давай же, ну, иначе нахрена ты вообще тогда таскаешь с собой эту долбаную гитару?

Но тому было не до этого – он поддерживал стоящую на коленях и блюющую прямо в реку девушку. В этот раз она явно перебрала.

– У меня есть предложение поинтересней, – подойдя к Джасперу, заплетающимся языком пролепетала одна из её подруг. – Резинки ещё у тебя?

– Пойдём домой, – услышала она прямо над ухом негромкий голос, едва всё выпитое и употреблённое за сегодня наконец вышло из неё.

Затем почувствовала, как его сильные руки вновь обхватили её, придерживая и не давая упасть, пока она сама с удивлением обнаружила, что ноги, хоть и заплетаясь, но несут её вперёд.

– Чёрт, я больше никогда не буду пить.

– Я поверю в это только когда в мире закончатся все запасы алкоголя.

Артюр и Алиса

...Слайд-шоу из последних воспоминаний аля "в предыдущих сериях" наконец прервалось, и она поглядела на своё разбитое колено. Рана уже начинала заживать, но теперь, когда она была трезвой, она стала чувствовать боль. Вполне весомая причина, чтобы не быть трезвым всю жизнь. Кстати, какой вчера вообще был день?..

Она не помнила этого или не знала, как и не помнила, какой день недели сегодня или какой был вчера, и, уж тем более, какой будет завтра. И сколько вообще всё это продолжается. Помнила лишь своё имя – Алиса, хоть и сама она уже давно не ощущала себя тем человеком, которому оно когда-то принадлежало. Когда-то, в далёкой и другой, счастливой жизни, ей в руки угодила сказка "Алиса в Стране Чудес", поразившая её до глубины души и в одночасье (ну ладно, может, чуть больше) ставшая её любимой. Возможно, потому что в той Алисе она тогда без труда узнала себя. Сейчас же она в ней себя совсем не узнавала.

Да и эта страна не была Страной Чудес, скорее, даже наоборот. Страна потерянных детей. Страна грязи и наркотиков. Вот только здешней Алисе почему-то никак не удава-

лось проснуться. Кроличья нора оказалась слишком глубока, а Безумное чаепитие, и без того уже дрящущая невесть сколько времени, сильно затянулось.

Голова нестерпимо болела, и всё, что она могла – это лишь созерцать потолок, словно выброшенная на берег рыба. Говорят, что во время похмелья голова болит от того, что в это время отмирают клетки мозга. Вряд ли это было правдой, иначе её мозг бы уже давно атрофировался. Чуть привстав на локте с не заправленной кровати и едва не задев рукой покоящиеся на прикроватном столике свои причудливые очки без диоптрий, Алиса оглядела их маленькое убежище. Её и Артюра – парня, спавшего мёртвым сном неподалёку. Это его руки вчера помогли ей подняться, это он вчера был рядом, и сейчас она успокоилась, увидев, что он здесь.

Настоящее его имя было другим, но оно ему не нравилось, и она решила звать его Артюром – в честь любимого поэта. По деревянному полу гостиной одноэтажного дома, коими кишит провинциальная часть Америки, были разбросаны вещи, пустые пачки сигарет, бутылки, упаковки из-под еды и различный мусор, нагромождённый друг на друга и введший бы в ужас любого нормального человека, привыкшего к чистоте и порядку.

Человека, чей дом не похож на жилище наркомана.

В гостиной стояла нестерпимая вонь, будто городскую свалку обнесли стенами и крышей, но Алиса уже к ней привыкла и попросту не замечала. Да и какая разница, если они

здесь почти не бывали? Хотя обратиться здесь и правда бы не помешало. Хотя бы попытаться вернуть тень былого уюта.

В одном углу располагался старый, пыльный и чудесным образом ещё не ушедший с молотка телевизор, в спальне был книжный шкаф, полки которого были заставлены книгами на любой вкус – там Алиса нередко проводила много часов день. Во всяком случае, раньше.

С самого детства она любила читать и всегда была очень любознательной. Слишком любознательной.

Кровать из спальни было решено перенести в гостиную, потому что спать одна она не могла – частые ночные кошмары давно стали её постоянными спутниками. Лишь ощущение того, что есть кто-то рядом, на время дарило покой. Что она не одна.

Иногда он спал с ней – просто спал – обнимая и прижимая к себе, иногда спал один на старом и дырявом от окурков диване, как сейчас. Наверное, он был единственным, кого она могла назвать своим другом. Кроме него в этой дыре у неё никого не было. И ничего. Ни прошлого, ни будущего. Лишь настоящее, которого лучше бы не было. Фальшивые друзья, да и то, скорее, не друзья, а лишь кружок по интересам. Иллюзия дома, уюта и любимого человека рядом. Искусственный рай, обернувшийся кошмаром и бесконечным бегом по кругу изо дня в день. И то, этот дом больше напоминал ночлежку – иногда им приходилось ночевать в каких-нибудь притонах или, что чаще, на бесконечных вечеринках, с

такими же порочными, живущими одним днём подростками и вчерашними детьми. С той лишь разницей, что у тех были семьи и было, куда возвращаться.

Но где бы они ни были, Артюр всегда был рядом.

Алиса взглянула на его безмятежное и мерно посапывающее лицо. В нём не было ничего особенного – обычное, привлекательное и чуть округлое, немного детское, милое и ангельское на вид. Высокий рост, рыжеватые кудрявые растрёпанные волосы и карие глаза. Он знал её лучше, чем кто-либо из компании, всегда был рядом, делил с ней всё, что было у него, согревал в холодные дни, заботился, утешал, когда плохо и не претендовал на что-то большее. Её личный ангел-хранитель. Наверное, так и выглядит настоящая дружба. Артюр был для неё живым опровержением мифа о том, что вся дружба наркоманов – лишь временная потребность мутиться вместе.

Хотя...она уже давно подозревала, что здесь дело в другом.

Конечно, она тоже его любила, но по-своему. Сердцем она любила совсем другого. Человека, о котором хотела бы забыть, как и обо всём остальном. А, может, он – единственное, о чём она хотела бы помнить, ведь этот человек – возможно, лучшее, что с ней было за всю её жизнь? Неважно. Всё хорошее однажды становится воспоминаниями. Приятными, тёплыми, но наполненными болью и слезами, воспоминаниями.

Avril Lavigne – Nobody's Home

Решив не нарушать сладкий сон Артюра, Алиса нашла в себе силы выглянуть в окно, вернее, заглянуть в маленькую незащищённую щель, сквозь которую была видна улица. Зима. Слякоть, грязь и мокрый белый снег, заставший тротуары и деревья, хотя на дорогах с ним ещё помогали бороться снегоуборочные машины. Предновогодние дни. Праздничное настроение и волшебная атмосфера предстоящего торжества, царившая в воздухе. Спешащие, суесящиеся люди и машины. Беззаботные и радостные дети, играющие в снежки и лепящие снеговиков, чей чистый и звонкий смех разносится на всю улицу. Когда-то и она была такой. Все они были.

Она глядела на всех этих счастливых, по сравнению с ней, людей. Глядела с грустью, чувством беспредельного отчаяния и ненавистью. Ненавистью к одной лишь себе. В такие моменты ей было жутко паршиво, и оставаться наедине с этими безрадостными мыслями было равносильно пытке.

Какое-то время она ещё лежала на кровати, безразлично уставив голубые глаза в потолок. Слез уже было выплакано столько, что казалось, их просто больше не осталось. Она понятия не имела, сколько ещё так пролежала в этой нагнетающей мёртвой тишине, тщетно пытаясь вернуть сон. До того, как потребность и желание притупить боль вновь покажут головы из-за горизонта.

Вообще после таких попок идеальным вариантом для неё всегда было закутаться под плед и весь день напролёт смотреть "Утиные истории" или "Мой безумный дневник", либо перечитывать книжки её любимого Джона Грина, но сегодня она чувствовала себя слишком паршиво даже для этого.

Заснуть так и не удалось. Побродив по дому и разочарованно оглядев пустой холодильник, будто надеясь на чудо, Алиса отправилась в ванную. Жаль, что Артюр спит – теперь ей до жути захотелось чего-нибудь вкусного. Горячий шоколад с печеньями в виде котиков, которые он ей покупал, например. Или хотя бы бананы, её любовь всей жизни. Но сегодня явно был не её день. Или не её жизнь.

Открыв кран с жутким свистом и плеснув холодной воды на лицо, Алиса усилием воли заставила себя взглянуть в отражение. Лишь одна мысль о том, что это лицо принадлежит ей, уже вызывала отвращение.

Бледно-розовые губы в форме бантика, кусать которые было одним из её любимых занятий. Голубые и похожие на бусинки, будто улыбающиеся и смеющиеся, глаза. Милое детское личико с довольно большим носиком и ямочками на слегка пухлых и румяных щеках. Крашенные в ярко-розовый цвет длинные до плеч волосы, ярко и вызывающе ниспадающие ровными и выющимися локонами. За всё время пребывания здесь она успела перекрасить волосы в едва ли не все известные цвета радуги – голубой, зелёный, тёмно-зелёный с вкраплениями голубого, синий, светло-русый, сереб-

ристо-белый, огненно-рыжий и даже тёмно-фиолетовый, одним словом, в такое разнообразие цветов, какое не снилось и Пауэр Рейнджерам – но большие тёмные брови над глазами мгновенно выдавали её природный окрас. Когда волосы у неё были голубого цвета, её даже какое-то время звали Мальвиной.

Хоть она и любила привлекать к себе внимание, внутри она оставалась всё тем же ребёнком. Многие, особенно Артур, считали её маленьким чудом, добрым, забавным и невинным дитём, которое могло капризничать и рыдать в три реки, но в следующий же миг громко и заливисто смеяться, заражая этим смехом всех вокруг.

Дитём, что слишком рано повзрослело.

Алиса была высокой, даже слишком высокой для девушки. Она не была красива, да и фигуру её сложно было назвать стройной, но отчего-то пользовалась успехом у парней. Которые, правда, хотели от неё лишь одного. Она горько усмехнулась про себя – вести такой образ жизни, но при этом умудриться сохранить честь, ха-ха.

Стоит ли говорить, что её, всё ещё неприкосновенная, девственность была частым предметом обсуждения, а то и насмешек подруг, каждая из которых в свои шестнадцать спала с первым встречным и считала это нормальным? Секс, особенно случайный, был неизменным спутником детей потерянного поколения, вместе с наркотиками и выпивкой, и сложно было бы сказать, что из этого они любили больше.

Наверное, то, что объединяло всё это вместе – свободу.

Bang Gang – Lost In Wonderland

Но никакой свободы Алиса не чувствовала, скорее, даже наоборот. Ненависть, безысходность, отчаяние и желание умереть – это не похоже на свободу, верно? Конечно, поначалу она была такой же свободной, и наверное, даже счастливой, но любая свобода однажды превращается в плен. Ничто не вечно под луной. Нахлынувший вдруг поток слёз заставил её отвести глаза от лица в зеркале. Это не она, это просто не могла быть она. Там был кто-то вместо неё, совсем незнакомый ей человек, которого она ненавидела всеми фибрами души. Ей хотелось разбить это чёртово зеркало вдребезги, забыть обо всём, сбежать отсюда, чтобы всё наконец закончилось... Или хотя бы знать, когда всё это кончится.

Алиса бессильно опустила на холодный пол ванной.

Впрочем... способ наконец прекратить всё это, был. Она не умела решать такие проблемы в одиночку, и для таких ситуаций у неё было лишь два решения, но только одно из них могло раз и навсегда избавить её от себя и этого мира. Или мир от неё. В доме было полно ножей и лезвий, всё ещё помнивших её мягкие податливые запястья, но Артур их все надёжно спрятал. Если бы только не он...

Она бы уже давно всё сделала.

– Потом спасибо ещё скажешь, – прокомментировал это

Артюр.

– Скажу "спасибо" сейчас, если позволишь сделать это, – понимая, что он ни за что ей не позволит, но, тем не менее, продолжая отчаянно цепляться за смерть, тут же парировала она. – Я тебе потом по гроб жизни буду обязана, только подумай, от чего ты отказываешься!

Он тогда в ответ рассмеялся, но ей уже было как-то не до смеха – хоть такие истерики от боли и осознания своего положения уже давно вошли в её ежедневную традицию, она больше не могла это терпеть. Она чувствовала, что конец близок, и что она подбирается к самому краю.

Трясаясь и дрожа, вся в слезах, Алиса встала с пола и уверенным шагом направилась в соседнюю с гостиной комнату. Она знала, что у Артюра кое-что припрятано на чёрный день и знала, где, но не знала, имеет ли право это трогать. Но... он ведь простит её, правда? Он обязательно поймёт, он же знает её.

Да и к тому же, сегодня как раз тот самый чёрный день. Возможно, даже самый чёрный день.

Проходя мимо гостиной, падший ангел, как он её иногда называл, кинул взгляд на него самого, сейчас спящего мертвецким сном. Правда, одет этот ангел был в тёмные колготки, короткую чёрную юбку, опять же чёрную, больше её самой на два размера, просторную кофту с большим стилизованным логотипом "Звёздных войн" на груди (тоже чёрным, лишь по контурам букв обведённым светло-голубым)

и чёрно-белые кожаные высокие кеды «Converse» с их фирменным логотипом, а шею обвивал чокер – стильная и модная вещица навроде ошейника и своего рода чёрный пояс, непонятно только, по чему. Что поделать, на дворе был двадцать первый век, и даже ангелам следовало одеваться по-современнее, чтобы не выделяться из толпы. Хотя эта одежда на ней осталась ещё со вчерашней ночи, а по дому она обычно предпочитала передвигаться в футболках, рубашках и свитерах Артюра, что были на несколько размеров больше неё самой.

Назойливый скрип деревянной двери. Небольшая комната, бывшая детской – здесь раньше жила маленькая сестра Артюра, пока родители не нашли вариант получше (вернее, мама, а "вариантом получше" оказался её богатый ухажёр, купивший ей новый дорогой дом где-то во Флориде) и не смылись, красиво уехав в закат и великодушно оставив этот дом в подарок безнадёжному сыну-наркоману. Алиса знала, что скоро у них не будет и этого – их попросту выселят за неуплату налогов и ещё десятка неизвестных Алисе услуг. Или подадут в суд и начнут искать их родителей, что будет ещё хуже. Артюр всё планировал уехать и поселиться где-нибудь в трейлерном парке, куда жадное и вездесущее правительство ещё не добралось, но дело пока не двинулось с мёртвой точки. Да и на трейлер тоже нужны деньги, которых у них нет.

...Забавно, что теперь эта комната принадлежала ей – так

решил сам Артюр.

Стены покрывали синие обои в виде космоса с россыпью жёлтых звёздочек, на потолке висела причудливая люстра, напоминавшая то ли карусель то ли вешалку, а в центре находилась детская кровать, настолько маленькая, что Алиса, которую все считали ребёнком (на минуточку!), на ней просто не помещалась. Раньше здесь стояли ещё колыбель и огромный ящик с игрушками, но их Артюр уже давно продал молодой паре, ждавшей пополнения (все они тогда едва сдерживали смех, видя, с каким сожалением, чуть ли не со слезами на глазах, Алиса провожала взглядом переполненную куклами и милыми пушистыми игрушками картонную коробку). Также были здесь туалетный столик с выдвигаемыми полками да одиноко стоящий в углу старый, как само время, и дряхлый, как старик, книжный шкаф, в размерах сильно уступавший своему старшему брату из спальни. Она решила здесь даже ничего не менять и не перестраивать на свой лад, не вешать плакаты любимых групп и не забивать полки косметикой. Здесь всё было пропитано запахом и духом детства, и оказываясь здесь всякий раз, Алиса будто снова возвращалась в ту чудесную пору, когда всё было безоблачно и радужно. Словно возвращалась домой, в свою собственную комнату.

В полках стола, вдали от любопытных глаз, она хранила кипы бумаг и тетрадных листов, исписанных её маленькими рассказами (вернее, мрачными сказками, которые обес-

печили бы любому ребёнку кошмары и долгие бессонные ночи), потому как пока не была уверена, что они достойны прочтения и считала их своими детками, которым ещё нужно немного подрасти.

Одним из таких рассказов были «Бесплодные земли» – про странный заброшенный город, который однажды приснился ей во сне.

Ещё одним был «Волшебный город» – довольно трагичная и грустная история о молодом и талантливом поэте по имени Пигги, который, приехав в Атланту и очутившись в стрип-клубе с одноимённым ироничным названием, что выбито розовым и синим неоном рядом со светящимся изображением обнаженной девушки верхом на крылатой свинье – «Мэджик-Сити» – пропал навсегда в лжи, страсти и пороках. И чем дальше он пребывает в этом месте, тем больше морально разлагается и погрязает в низменных инстинктах, хоть сам и чувствует себя на этом дне как в своей тарелке. А причиной всему – девушка, обворожительная местная стриптизерша, в которую герой влюбился до одури, стоило ему лишь раз увидеть, как она танцует канкан. Сам он понимает это лишь в самом конце, когда оказывается слишком поздно, когда логово разврата забирает его душу, сердце и деньги, оставив лишь тело, а сам он застревает навсегда в новом мире, разукрашенном в синее. Но всё-таки было в этой истории нечто действительно магическое и очаровывающее, что-то притягивающее и даже эротичное, как и сам

«Мэджик Сити».

В планах у Алисы было написать вторую часть, логическое завершение истории, где герой, вместе со своим лучшим другом по прозвищу Англичанин окончательно погрязший в грехах, всё-таки решает начать новую жизнь, возрождается из пепла, как феникс, встречает хорошую девушку и вскоре женится на ней, но в конечном итоге понимает, что от себя не убежишь и уходит от жены, вернувшись туда, откуда начал и поняв наконец, что только с той, другой, по-настоящему счастлив. А затем на Землю нападают инопланетяне и наступает конец света, но Пигги и его девушка встречают его вместе, как самый лучший день в их жизни. Хэппи-энд.

...Но сейчас она пришла сюда не за этим. Алиса знала, что в глубине шкафа, за книгами, есть небольшое отверстие, где и покоился маленький свёрток с остатками крэка.

– Если хочешь что-то надёжно спрятать от человека, спрячь это у него под носом, – наставлял её Артур.

– Спасибо, я запомню, – улыбнувшись одной из своих самых обезоруживающих, лукавых и игривых улыбок во весь рот, отозвалась тогда она.

Если бы они баловались одной лишь травой, всё было бы куда лучше. Но нет – в крови Алисы за это время чего только не успело побывать. Хэш. Кислота. Спидаы. Колёса. Экс. Мескалин. Кокаин. Мет. Даже героин. Все наркотики были разными по своему эффекту, и в каждом было что-то особенное, и ей хотелось испробовать всё из многообразия цве-

тов и красок этой наркопалитры. От одних было весело и легко, и каждый человек в этом мире становился лучшим другом, а сам мир – красочным и прекрасным; от других хотелось лезть на стены и раздирать на себе кожу, а в людях с трудом узнавались человеческие черты. Но хуже всех был героин, с которым она дел старалась не иметь. Если нюхать, а не колоться – вероятность подсадки всё равно что пытаться разбиться насмерть, выпрыгнув из окна первого этажа. Но альтернатива была так себе – эффект был не тот, и тогда тебе хотелось испытать настоящий кайф, который достигался только внутривенно. Вот тут-то капкан обычно и захлопывался. Так что игла – наверное, единственный острый и колющий предмет, которым она до сих пор боялась коснуться своей кожи.

И, конечно, и она, и Артюр уже не раз собирались завязать со всем этим, послать к чёрту такую жизнь и начать новую, без всего этого дерьма, на новом месте, где-нибудь подальше отсюда. Она бы стала детской писательницей, программисткой или обучилась и зарабатывала бы графическим дизайном (например, ей отчего-то нравилось делать картинки для "тамблера", через которые она могла выражать свои мысли и переживания) – одним словом, занялась бы тем, что любит и умеет. Он бы...тоже подыскал бы себе что-нибудь, и они жили бы счастливо, как нормальные люди.

О, а ещё она бы наконец воплотила то, что уже давно не выходило у неё из головы – покрыла бы всё своё тело неж-

ными акварельными татуировками, и всю её с ног до головы украшали бы лисички, котики, волки, дельфины, рыбки, киты, лошадки, совы, единороги, осьминожки, бабочки и даже ромашки с овечкой в единственном экземпляре, а руки покрывал бы космос – мягкий и переливающийся, вроде того, что на обоях детской. Ещё она обязательно бы уговорила Артюра завести щеночка маламута и котёнка породы сфинкс, и ответ "нет" бы не принимался.

Всё это было её маленькой мечтой. Их маленькой мечтой. Маленькой, но уж слишком трудновоплотимой в жизнь. Ведь как известно, наркотики – это замкнутый круг и сыр в мышеловке. Вчера ты клялся, что не сделаешь и затяжки, сегодня ты уже пробуешь и понимаешь, как это круто и как же ты чертовски заблуждался, а завтра – завтра ты хочешь ещё, ведь тебе понравилось и неплохо было бы повторить. А потом наркотики просто становятся твоей жизнью, всем твоим миром. Ты – раб своих желаний. Ты на системе, и отныне едешь до конечной. А бывших – не бывает. Рано или поздно ты всё равно возвращаешься к тому, с чего начал, к исходной точке. И так – до финишной черты. Замкнутый круг.

Алису с трудом можно было назвать настоящей наркоманкой, ведь только тяжёлые наркотики вызывают серьёзную зависимость, но положение дел от этого особо не менялось. Да и наркотики ей были необходимы. С ними жизнь была проще.

...Алиса трясущимися руками взяла с верхней полки па-

ру книг, за которыми и обнаружилась маленькая щель – такая маленькая, что даже мышь не проскочит. Пальцы нащупали края свёртка и она уже потянула его на себя, как вдруг одна случайно задетая книжка по цепной реакции повлекла за собой падение как минимум десятка других, и, не сумев удержаться на ногах, Алиса с грохотом рухнула на пол, распластавшись на нём, и едва не оказавшись похороненной под грудой книг, проклиная и ненавидя себя.

Вполне возможно, что она была самым неуклюжим человеком на свете – для неё ничего не стоило по пять раз на дню случайно упасть с лестницы, пролить на себя кипяток, делая чай или поджечь волосы, пытаясь поджечь сигарету.

Освободившись, она уже начала подниматься, как её взгляд вдруг зацепился за мятый тетрадный лист, очевидно, выпавший из какой-то книги.

О, нет. Нет, только не это.

Этот день обещал быть одним из худших в её жизни.

Алиса с трудом заставила себя взять листок в руки. Она знала, что это, что там написано, и для кого.

Письмо.

Письмо самому дорогому когда-то человеку, что теперь пропал навек в миллионах подобных. С которым ей однажды пришлось расстаться, в основном, из-за того, что оба они оказались жуткими эгоистами, не способными понять друг друга. Но и её решение тогда было слишком спонтанным и необдуманным.

Письмо, которое она так и не решилась отправить, и посему упрятала в самый дальний и тёмный угол сердца и дома, запечатав память за семью замками.

Она тогда лишь хотела, чтобы он знал (вернее, думал), что с ней всё хорошо. Чтобы не терзал себя и забыл, если ещё помнит. Ему нельзя было знать правду, это бы его убило. Но ещё это письмо было своего рода извинением за ту боль, что она уже тогда причинила и за то, как тогда поступила.

С наворачивающимися на глаза слезами, Алиса против своей воли нашла в себе силы прочесть написанное.

"Милый Эндрю. Здравствуй. Помнишь одну странную и вредную девчонку, которую ты любил...кхм...называть принцессой? Так вот, это она. Снова, да. Она знает, что поступила нехорошо, но, прошу удели ей минутку внимания, это ведь не так много, правда?"

Дорогой друг, как твои дела? У меня вот всё хорошо. В этом году я закончу школу, о да, я тебя уже совсем взрослая. Живу я в маленьком, совсем неприметном городке, тут тихая жизнь и добрые, отзывчивые люди. У меня тут есть дом и отличные друзья, даже лучшая подруга! Каждые выходные мы собираемся вместе, устраиваем пикники или походы с ночёвкой, и отлично проводим время. О, а ещё, ещё я встретила кое-кого, и, кажется, влюбилась по самые уши. И...по-моему, я ему тоже небезразлична, парню, о котором могла только мечтать, представляешь? Напрасно ты думал, что ме-

ня нельзя оставлять одну, что со мной обязательно случится что-то плохое. Нет! Мир за стенами нашего замка оказался гораздо интересней и удивительней, чем мы думали, и я очень хочу, чтобы ты тоже его однажды повидал. Я счастлива, мой мальчик. Не беспокойся, не бойся и не переживай. А лучше – вообще не думай и забудь. Живи. Твори. Найди друзей. Любимую девушку, которая будет лучше, чем я. Женись и заведи детей. Ты прекрасный человек, и я знаю, что в твоих силах изменить этот мир, и однажды ты его обязательно изменишь. Конечно, жизнь тут не сахар и не сказка, но нужно просто не сдаваться и однажды всё обязательно будет хорошо, иначе ведь и быть не может.

Хотя... может, зря я всё это пишу и у тебя всё так же здорово, как и у меня? Столько времени ведь прошло... Ты теперь тоже взрослый. Знаешь, а давай однажды встретимся? Я не знаю, когда, не знаю, где, и через сколько лет, но я безумно хочу увидеть тебя вновь. Хорошо?

Просто знай, что со мной всё хорошо. Не ищи меня. Не вини себя. И прости, если сможешь. Я всегда буду любить тебя, мой Эндрю, и никогда не забуду. Мой любимый и лучший в мире котик. Твоя глупая и вечно маленькая принцесса Алиса".

...Алиса перестала понимать, что происходит. Боль, копившаяся всё это время, теперь вырвалась наружу, подобно воде, хлынувшей через прорванную плотину. Из-за слёз, за-

стлавших обзор, как пелена, она ничего вокруг не видела, а голос, казалось, вот-вот сорвётся от душераздирающего крика. Сидя на коленях, она что есть мочи колотила руками об пол, так сильно напоминая сейчас непрерывно плачущего и кричащего ребёнка. Забавно, но ей вдруг вспомнилась сцена из "Алисы", где та так расплакалась, что чуть не утонула в пруду из собственных слёз. Ей стало жаль, что она не была той Алисой и не могла наплакать себе большой пруд, в котором смогла бы утопиться.

Сквозь мутную пелену, похожую на капли дождя на окнах, она заметила, как в дверях появился Артур. Похоже, он проснулся от её криков и нытья, и тут же прибежал узнать, в чём дело. Его взгляд сразу упал на валяющиеся рядом с грудой книг свёрток с рассыпавшимся крэком и письмо, окропленное слезами. Таким взглядом детективы обычно бегло осматривают место преступления. Не сказав ни слова, он подошел и сел рядом, прижав к себе яростно колотившую его своими кулачками, но в итоге ослабшую, сдавшуюся и безвольно упавшую в его объятия, Алису, чья истерика подобно огню, теперь разгорелась ещё больше. Но теперь у неё было мужское плечо, жилетка, в которую можно было поплакаться, а для любой девушки это бесценно.

Так они и просидели ещё какое-то время: он, спокойный и молча глядящий её по голове, и она, безостановочно хнычущая и льющая горькие слёзы у него на плече.

А между тем, пока она не видела, он свободной рукой до-

тянулся до валяющегося на полу тетрадного листа и прочёл адресованное некоему Эндрю письмо.

Eels – I Need Some Sleep

...Едва она вымоталась и немного успокоилась, он уложил её в постель в гостиной, накрыл пледом, затем лёг рядом с ней и обнял – он знал, что ей от этого легче и лучше, даже во сне. Глядя на заплаканное и безмятежное лицо, чья владелица теперь сладко спала, он не смог сдержать улыбки, когда она, засыпая, обняла его в ответ, как большую и мягкую подушку.

Он любил её. Как никто, наверное, не любит. И она знала это. Но она любила другого, и он её, видимо, тоже.

Теперь и он это знал.

– Я хочу тебе кое-что рассказать, – проснувшись и придя в себя, но всё ещё изредка всхлипывая, надломанным голосом сказала Алиса. Даже её голос – не самый приятный и женственный, чуть гнусавый, но нежный, слегка детский и располагающий к себе, словно вы говорите со старым другом, которого давно знаете – вызывал у него трепет. – Думаю, теперь время пришло.

– Полагаю, стоит заранее запастись носовыми платками и подушками? – съязвил он, едва заметно улыбаясь уголками рта. – Просто попкорн и кола закончились.

Алиса издала короткий смешок, ещё раз всхлипнув, и это прозвучало так, словно кто-то кашлянул. Скромная, милая и самая добрая в мире улыбка вновь озарила её лицо, да и вообще он давно заметил одну вещь – когда она улыбается, её глаза как будто улыбаются вместе с ней. Есть вещи, которые невозможно объяснить словами. Их можно только видеть.

Он был рад, что она сама решила рассказать про этого Эндрю. Наверняка, догадалась уже, что он прочёл письмо, хоть и почти всё написанное в нём было ложью. Кроме Эндрю.

...Алиса уже хотела начать, как её взгляд вдруг упал на висевший на стене календарь. И показывал он две ненавистные ей цифры. Каждый её новый день почти в точности повторял предыдущий, так что она уже давно перестала их считать, и эта дата, всё равно не сулившая ничего хорошего, совсем вылетела у неё из головы.

На календаре было двадцать четвёртое декабря.

День рождения. Её чёртов день рождения.

Сегодня Алисе исполнялось семнадцать.

Глава 2. Сияющий солнечный свет

Дитя с безоблачным челом
И удивлённым взглядом,
Пусть изменилось всё кругом
И мы с тобой не рядом,
Пусть годы разлучили нас,

Прими в подарок мой рассказ.
Тебя я увижу лишь во сне,
Не слышен смех твой милый,
Ты выросла, и обо мне,
Наверное, забыла.
С меня довольно, что сейчас
Ты выслушаешь мой рассказ.
Он начат много лет назад
Июльским утром ранним,
Скользила наша лодка в лад
С моим повествованьем.
Я помню этот синий путь,
Хоть годы говорят: забудь!
Мой милый друг, промчатся дни,
Раздастся голос грозный.
И он велит тебе: "Усни!"
И спорить будет поздно.
Мы так похожи на ребят,
Что спать ложиться не хотят.
Вокруг – мороз, слепящий снег,
И пусто, как в пустыне,
У нас же – радость, детский смех,
Горит огонь в камине.
Спасает сказка от невзгод -
Пускай тебя она спасёт.
Хоть лёгкая витает грусть

В моей волшебной сказке,
Хоть лето кончилось, но пусть
Его не блекнут краски,
Дыханью зла и в этот раз
Не опечалить мой рассказ.

Стихотворное посвящение Л. Кэррола к Алисе, "Алиса в
Зазеркалье"

– Эндрю, – прервав затянувшееся молчание, пролепетала
девочка.

Судя по исполненному любопытства тону и искрящимся,
широко раскрытым голубым глазам, Эндрю ждал очередной
вопрос, посетивший маленькую голову его подруги. Что по-
делать, Алиса была очень любознательной и всегда хотела
знать всё обо всём. Он знал этот тон и его всегда это забав-
ляло, но он сдерживался, пряча улыбку – Алиса была очень
обидчивой и капризной девчонкой, и могла дуться по пол-
дня и из-за меньшего.

Хотя даже такой она ему казалась до умиления смешной.

Эндрю, проявив участие, повернулся к ней, всем своим
видом давая понять, что внимательно её слушает.

– А ты знаешь, что такое любовь?

Они сидели на берегу озера. На десятки миль окрест были
видны лишь покрытые молодой зелёной травой поля и лу-
га, тёплая, красиво отражавшаяся в ярких слепящих лучах

предзакатного солнца вода мягко, приятно и словно играючи, омывала их детские ножки; единственными звуками, нарушавшими вечернюю тишину, были шум воды, пение птиц где-то вдалеке да едва слышный летний ветерок, тихонько колыхавший пучки травы. Это был их рай, их собственный маленький мирок, где царили лишь тепло, доброта и уют. Где не было никого, кроме них двоих.

День, как обычно, выдался на славу. Они так нарезвились, что устали и решили провести остаток дня на берегу любимого озера, в спокойной обстановке.

Эндрю теперь уже более серьёзно взглянул на сторающую от нетерпения Алису. В этот раз она его удивила – и как ей только такое в голову приходит? Он был на два года старше неё, а уж мудрее и взрослее – в разы больше. Но сейчас он сам задумался. И правда, что же такое любовь?

– Слово из шести букв, – улыбаясь, весело сказал он.

– Я серьёзно! – с видом, от которого ему хотелось рассмеяться ещё больше, воскликнула Алиса, грозно нахмурив брови.

– Неужели? По тебе и не скажешь.

– Просто скажи, что сам не знаешь, но не хочешь этого признавать, – самодовольно разнесла его в пух и прах Алиса. – Ты как Чеширский Кот – тот тоже заговаривал Алисе зубы и строил из себя самого умного, хотя и был не в своём уме. Ой...

Последнее явно было лишним, но Эндрю это никак не за-

дело.

– Ну хорошо, любовь – это... – неловко начал Эндрю, больше отвечая самому себе, – это когда два человека... когда они вместе и не могут друг без друга. Когда один в сердце и мыслях другого, когда они просыпаются и засыпают с мыслями о друг друге, когда они будто две части единого целого. Продолжения друг друга. И один готов пойти ради другого на всё. Понимаешь?

– Что, даже умереть? – выпалила мелкая негодница, заставив Эндрю в конец опешить.

– Что?... Откуда ты знаешь о таких вещах? И вообще, не перебивай меня! – сказал он и тут же пожалел, так как Алиса в миг повесила нос, а её лицо стало похоже на надутый воздушный шар.

– Бу, – недовольно пробурчала девочка, чем чуть лишний раз не рассмешила его – это было её любимым словом, когда она обижалась.

– Прости, принцесса, – он прекрасно знал, что тёплые и милые слова способны в считанные секунды растопить её лёд и вернуть улыбку на лицо.

Но тут он сам вдруг нахмурился, как обычно уставившись перед собой и глядя в одну точку. Он часто так делал, и в такие моменты Алиса не могла его понять.

– Но вообще ты права, даже умереть. Любовь – это единственное, ради чего стоит жить. Это лучшее, что может произойти с человеком. Любовь – это счастье.

– Ух ты, как здорово! – радостно воскликнула Алиса. – А давай тоже любить друг друга?

– Но...так ведь нельзя! – возмущению Эндрю не было предела – как можно не понимать элементарных вещей?!

– Но почему? – судя по вновь надувшимся чуть пухленьким губам, мальчик уже знал, что сейчас будет. – Я вот уже тебя люблю. Разве ты не счастлив?

Эндрю добродушно рассмеялся, миг смягчившись.

– Это не так работает, – улыбаясь, сказал он. – И вообще, кажется, кому-то пора отправляться спать.

– И кому же?

– Ну, меня учили не показывать пальцем, но даю подсказку: этот кто-то – не я.

– Я уже взрослая! – жалобно воскликнуло любвеобильное создание. – Почему ты всегда относишься ко мне, как к маленькой?

"Да потому что ты и так ещё маленькая!" – чуть не выкрикнул он, но вовремя сдержался, зная, чем это закончится. Конечно, они души не чаяли в друг друге, но это не мешало им часто ссориться.

Он оглядел её с ног до головы.

Девочка была одета в потрёпанные джинсы с модными детскими побрякушками, футболку столь любимого ею розового цвета, кроссовки и тоненькую джинсовую курточку нараспашку. Голубые глаза смотрят с обидой и укоризной, длинные и мягкие тёмные волосы ниспадают на плечи и едва

колышутся от бесшумного ветра. Она и правда была ещё совсем маленькой, и он относился к ней, как к младшей сестре.

Ей было девять.

– Потому что я старше тебя. В общем, я иду домой, а ты можешь оставаться здесь, если хочешь.

С этими словами Эндрю демонстративно развернулся и пошёл прочь, а гордая Алиса так и осталась стоять одна в лучах яркого заходящего солнца. Конечно, он бы не простил себе, случись с ней что плохое...

...Но он слишком хорошо её знал.

Раз.

Два.

Три.

– Постой! – ему даже не нужно было оглядываться – звук приближающихся шагов говорил всё за неё. Самодовольная ухмылка озарила его лицо, ведь больше всего Алиса боялась оставаться одна. – Подожди! Ты не можешь меня тут одну бросить!

Так они и дошли до дома: обиженная и не говорящая ни слова она, и молчаливый и задумчивый, не решающийся нарушить молчание, он.

Во всяком случае, только здесь они могли быть теми, кто они есть, зная, что один знает и принимает недостатки другого. Они были здесь одни. Счастливы и свободны.

Так и подошёл к концу ещё один день в раю, в их маленьком обособленном мирке, существующем по своим законам.

Замок

Michiru Oshima – Beaming Sunlight

Дом, стоявший на вершине высокого холма, был до неприличия красив и огромен. Подобно истинному аристократу, возвышался он над еле виднеющимися вдали крохотными, жалкими домишками, да и выглядел, как давно уже немолодой, скорее даже в преклонных годах, элегантный, гордый и осанистый джентльмен. Как идол, с которого время сняло всю позолоту или как разорившийся богач.

Он был очень старым – на скидку ему было лет сто, не меньше – но в отличном состоянии. Эндрю и Алиса не знали, кем были его прошлые владельцы – этот двухэтажный роскошный гигант они застали уже заброшенным, пустым и лишённым каких-либо признаков жизни. Обнаружили они его, разумеется, не по наитию – двум детям, случайно оказавшимся в таких глухих и неведомых краях, просто не могло так повезти. Нет, в паре милях от самого ближайшего городка – Парадайз-Сити – в полях на возвышенности одиноко высилась громада заброшенной и бесхозной силосной башни. Забравшись на самый верх под сенью яркого солнца и держась за холодную металлическую ограду округлой площадки, Эндрю и Алиса с головокружительной высоты разглядывали окружавшие их и простиравшиеся вплоть до го-

ризонта края, в которых им случилось оказаться. Тогда-то они и увидели старый дом на вершине холма.

Со всех сторон его окружали деревья и растительность, просторную террасу перед входом, где дети любили проводить тёплые летние вечера, венчал ряд массивных белых колонн; вымощенный грунтом и огороженный невысоким деревянным забором двор был также огромен, а ещё, что самое удивительное, во дворе стоял чудом сохранившийся винтажный автомобиль с откидным верхом, годов этак из двадцатых-тридцатых прошлого века. К самому дому вела извивающаяся и круто уходящая в гору грунтовая дорога, по обеим сторонам которой неприступными величественными бастионами возвышался лес, где дети любили гулять, веселиться и играть в догонялки, прятки и прочие игры.

Как-то раз, год назад, когда они только-только тут поселились, Алиса умудрилась заблудиться и где-то вдохнуть споры ядовитого гриба, после чего ей казалось, что по всему лесу за ней гонятся трёхметровые и сметающие всё на своём пути своими массивными, шипастыми палицами, тролли. Это сейчас они знают этот лес как свои пять пальцев, но если бы не её истошные вопли, Эндрю вряд ли бы тогда её отыскал.

– Как ты? – спросил он её, когда она уже пришла в себя.

– Это... было необычно и страшно, как будто наяву, – задумавшись, ответила Алиса. – Но в то же время круто.

Эндрю тогда не придавал этим словам значения.

Этот лес вообще был странным и хранил в себе много

тайн. Они поняли это, когда в одну из лунных ночей проснулись от воя, который нельзя было спутать ни с чьим другим. Волчьего воя. Тогда они решили, что им это кажется или снится, но вскоре им довелось встретиться с этим обитателем леса воочию. Словами не передать, как они были напуганы и удивлены, когда во время одной из прогулок вдруг повстречали самого настоящего молодого и осанистого волка с чёрной шерстью и необычайно яркими, даже при свете дня, голубыми глазами. Тот мирно спал на небольшой поляне рядом с поваленным дубом, но тут же вскочил, угрожающе обнажил клыки и ослабил пасть, издавая низкий рык и демонстрируя ряд острых зубов.

А рядом, свернувшись калачиком, спала рыжая и грациозная лиса.

– Не бойся, – сказал тогда Эндрю, обняв за плечи трясущуюся от страха девочку, хоть и сам боялся до смерти. – Он нас не тронет, он просто защищает свою территорию.

Волк продолжал сверлить их глазами, готовый в любую секунду ринуться на них, а Эндрю, закрыв глаза Алисе, взяв её за руку и придерживая, медленно пошёл назад, но не поворачиваясь спиной к зверю и глядя прямо в глаза. Стоило им удалиться на большое расстояние от него, как тот понял, что угрозы от них никакой и спокойно завалился в спячку, приняв прежнее положение.

– И всё-таки они очень красивая и милая пара, – мечтательно улыбаясь, сказала Алиса, когда всё уже было поза-

ди. – Видел, как он её любит?

– Ты с ума сошла? Он мог нас убить! – воскликнул Эндрю, поражаясь её наивности, затем пугающе добавил: – И съесть.

– А разве ты на его месте не поступил бы так же? Если бы кто-то решил обидеть меня?

Он вдруг умолк. В такие моменты он понимал, как сильно недооценивал её, считая глупым ребёнком.

– ...Есть этого кого-то я бы, во всяком случае, точно не стал.

Ещё более странным было то, что с тех пор этот необычный тандем дети ещё не раз встречали и каждый раз испытывали неопишуемый страх и трепет, хотя хищник больше ни разу не проявлял признаков агрессии.

...А как красив лес был зимой! Особенно вечером, когда яркий солнечный свет, озаряющий белоснежные и спящие сугробы сменяли накрывающие лес тёмной пеленой, сумерки. Любимым времяпрепровождением в это время года у двух беззаботных, брошенных на произвол судьбы, детей, была игра в снежки, а ещё катание с крутых снежных горок, и неважно, день или вечер был на дворе.

Вряд ли кто-то видел более счастливых, чем они тогда, детей.

...Тем вечером Алиса почти моментально заснула, едва легла в огромную по сравнению с ней кровать, закрыла глаза и укрылась тёплым одеяльцем. Эндрю всегда спал рядом с ней, но на сей раз сказал, что ляжет чуть позже, и отправил

её в кровать одну.

– Как же я без тебя?..

– Ну, ты же взрослая. А взрослые не боятся спать одни.

– Может, и не боятся. Но даже взрослым нужно, чтобы ночью был кто-то рядом.

– Иди уже, – устало и грустно улыбаясь, негромко сказал Эндрю, – я скоро приду.

– Ладно, – обиженно бросила Алиса и, нарочито громко шагая, поднялась наверх.

Несмотря на обиду, она не могла заснуть из-за мыслей, метавшихся в голове. Мыслей, которые её мучали ещё по дороге домой. Мыслей о нём.

Она ведь его и правда любит, неужели он не понимает? Иначе как любовью это не назовёшь, если верить его словам насчёт того, что вообще такое – эта любовь. Это не дружба, это уже нечто большее. Новое, доселе неизвестное Алисе чувство и ощущение. И она тоже хотела, чтобы он её полюбил. Не может же одна его любить, это ведь и не любовь тогда! И никакое это тогда не счастье, а даже, наоборот. Нееет, это никуда не годится!

Но она даже не могла понять, за что его любит. Он не был ни красив, ни силен, в нём не было ничего, за что девочки обычно влюбляются в мальчиков. Но... он был другой. Да и ей нужно было другое. Не его сила и красота. А тепло, ласка, забота и любовь. Но он никогда её не полюбит. Конечно, она ведь маленькая и глупая – он сам это говорит постоянно – да

ещё и некрасивая – зачем ему такая? Правильно – незачем!

С этими противоречивыми и терзающими юный ум мыслями, она наконец и сомкнула глаза, свернувшись калачиком, обняв подушку и подоткнув одеяло к подбородку.

Бесплодные земли

...Она стояла одна посреди площади какого-то незнакомого города. Растерянная. Окружённая множеством будто бы безликих и ничем не отличающихся друг от друга, людей, каждого из которых она откуда-то знала, но не знала, откуда. Будто была знакома до этого, в разные периоды жизни.

Во сне она была старше, а волосы у неё отчего-то были розового цвета. Впрочем, ничего удивительного – это ведь её любимый цвет.

Она стояла в стороне, одна и абсолютно никому не нужная. Девушки и парни (в основном, подростки), мужчины и женщины, парочки, пары, такие разные и такие похожие – все они, стоящие поодаль друг от друга под окнами домов, болтали между собой, как будто Алисы тут и не было. Но, приглядевшись, Алиса ужаснулась – эти люди при всём желании просто не могли её заметить. Их лица искрились улыбками, удивлением или любопытством, они даже жестикуют в пылу разговора и находились в самых разных позициях. Но они не двигались, а лица и конечности у них были из пластика. Время здесь словно остановилось, а сама она

будто угодила на какую-то выставку современного искусства или торговый центр, где вместо людей остались лишь куклы и манекены.

Была в этом сне ещё одна деталь, на которую Алиса не сразу обратила внимание – город. Во сне многие странные вещи становятся обыденными, но она стояла на большом перекрёстке (а не площади, как ей казалось поначалу) посреди бела дня и мимо неё не ездили машины, и как только до неё дошёл этот факт, она осмотрелась вокруг. Город находился прямо посреди поля, в какой-то лесистой горной местности, окружённый частоколами низких зелёных деревьев и убегающими вдаль холмами. Город был огромным, по меркам таких городов. Здесь не было асфальта, тротуаров, гидрантов, мусорных баков, канализационных люков, железнодорожных путей или светофоров – лишь пыльная проселочная дорога, на обочине которой высились кучки грунта, бурьян и, кое-где уже пожухлая и пожелтевшая, трава. Перед домами не было почтовых ящиков, газонов, машин или хотя бы просто оградок, а сами дома – то плотно подогнанные друг к другу, то стоящие поодаль на почтительном расстоянии, все как один бетонно-белого цвета, трёхэтажные, с зияющими черным окнами-бойницами, с балконами, старинными балюстрадами, с тёмно-серыми, устремленными ввысь и заострёнными как конус волшебника, шпильями вместо крыш – больше напоминали игрушечные замки из мультфильмов про принцесс, зачем-то и кем-то выстроенные в реальном

мире (насколько мир снов вообще можно было считать реальным). Но, в отличие от мультфильмов, здесь они все пуствовали и выглядели заброшенными.

Может я умерла во сне и попала в рай? –оторопело подумалось Алисе. Она не знала, есть вообще рай или нет, но если есть, то в её представлении, пожалуй, он выглядел именно так. Хоть с высоты птичьего полета этот безымянный город, наверняка, больше был похож на огромное кладбище, где могилы стоят плотным строем, как шеренги солдат, и одну не отличить от другой.

Город-сказка, город-призрак, город, которого нет и не может быть.

Алиса робко двинулась вперёд, хрустя подошвой кроссовок по песку и земле. Больше идти было некуда, но куда-то идти всё же было нужно – иначе она не могла. Перекресток делил «улицу» на четыре стороны, но этот город был так устроен, что куда бы ты ни пошёл, всё равно придёшь к одному и тому же. Порочный круг, плен, ловушка. Застывшие, как будто кто-то поставил видео на паузу, искусственные, неживые и фальшивые люди. А выхода – нет, или, по крайней мере, не видно.

Люди, окружавшие её, создавали жуткое впечатление – казалось, будто все они однажды повстречались взглядом с Медузой-Горгоной и навеки обратились в статуи. Но ещё больше её пугала тишина, абсолютное безмолвие, царившее здесь. Она как будто очутилась в какой-то ролевой компью-

терной игре в жанре фэнтези с открытым миром, но не могла понять, что от неё требуется делать. Не спеша, осторожно ступая мимо некогда жилых домов, Алиса пыталась вглядываться в черноту оконных и дверных проемов, но ничего было не разглядеть, а внутрь ей входить как-то не хотелось, да и при одном только взгляде на них пробирала дрожь. Ещё она заметила, что не всё в этом городе так уж и идеально – некоторые из домов были полуразрушены, а от иных и вовсе остался лишь каркас и бетонный скелет.

Люди-манекены продолжали обуревать её со всех сторон. Впрочем, в этом городе, как оказалось, она была не так уж одинока – далеко впереди шёл какой-то парень примерно её возраста, но чуть старше. Из-за тусклого полуденного солнца и поднимавшейся пыли со спины его было плохо видно, но она точно знала, что он такой же, как она – живой. Такой шанс нельзя было упускать.

– Эй, постой! – крикнула она, но парень не обернулся.

Её вдруг посетила неожиданно логичная мысль: а что, если это...

– Эндрю! – радостно и громко позвала она, ускоряя шаг.

Точно, и как она сразу не додумалась? Кто же ещё это мог быть, если не он! Особенно в её сне, ведь он уже давно стал там частым гостем!

Но Эндрю не оборачивался – видимо, не слышал.

– Эндрю! Э...

Она вдруг осеклась, поняв, что это не он. Тогда же па-

рень вдруг остановился и медленно обернулся к ней, но разглядеть его лицо она уже не успела – едва их глаза наконец встретились, как...

...Она проснулась, ошалело вращая ими из стороны в сторону и ещё не до конца понимая, что это было. После таких снов на это всегда требовалось время. Правда, за это время она невольно успевала забыть сам сон или и вовсе заснуть снова.

Осмотревшись, она увидела, что половина постели Эндрю по-прежнему пустует, хотя времени уже, наверняка, прошло немало.

Сонная, со спутанными волосами, заспанным, будто по нему проехал асфальтоукладчик, лицом и одетая в ночную пижаму, разрисованную ромашками и сердечками, Алиса принялась спускаться со второго этажа по широкой, спиральной и украшенной резьбой лестнице, но не доходя до первого пролёта, замедлила шаг и притаилась, увидев одиноко сидящего на кухне и погружённого в раздумья Эндрю.

Эндрю и Алиса

Evanescence – Field Of Innocence

Он не помнил, сколько так уже просидел, десятки раз прогоняя в голове сегодняшний разговор и пытаюсь разобраться

в своих мыслях и чувствах. Пытаясь понять, говорила ли его маленькая сестрёнка серьёзно или это было лишь ещё одним заблуждением, вызванным воспалённым детским умом. Но, возможно, он просто не хотел знать правду и прятался от неё за броней цинизма и недоверия.

Его нельзя было полюбить. Он знал, что некрасив, а постоянные издёвки и насмешки из прошлой жизни не раз его в этом убеждали. Нелегко поверить, что за столько лет в тебя впервые кто-то влюбился. В тебя. Невозможно. Она считала его мудрым человеком, хоть не понимала и половины его заумных рассуждений. Но это была не мудрость. Это был страх. Страх довериться и ошибиться. Страх признаться себе, что для него это уже больше, чем дружба. Что имя Алиса значит для него теперь гораздо больше, чем прежде. Он не знал. Не мог понять. Но чувствовал. Любовь – слишком громкое слово. Влюблённость, наверное, тоже. Но что это тогда?

Перед его глазами, мёртвым и пустым взглядом уцепившимся за ночной лес и укрытые тьмой поля за окном, словно кадры красивого кинофильма, проносились воспоминания.

Дождь. Нет, даже сильный ливень, роем тысяч холодных стрел обрушившийся на их маленькое царство. Он и она, со всех ног бегущие домой, к спасению, и сидящие после всего у тёплого камина, промокшие и замёрзшие, пока по пыльным стёклам, словно пулемётная очередь, бьют и стекают, как слёзы по щекам, капли дождя.

Тёплый и мягкий безветренный снегопад, под которым они, держась за руки, гуляют поздним зимним вечером среди заснеженных и высоких деревьев, пока ей на лицо опускаются похожие на светлячков, снежинки. Его хрупкая и нежная, как котёнок, маленькая принцесса, лежащая с ним под одним пледом, положив голову ему на плечо и засыпая, пока он читает ей сказки и гладит по волосам.

Дни, когда небо было свинцовым, а в округе бушевал сильный ветер, гнувший верхушки деревьев, и настойчиво стучался в окна и двери, пугающе завывая снаружи, а он прижимал к себе перепуганную и трясущуюся от страха Алису, успокаивая и говоря, что всё будет хорошо, что это всего лишь ветер.

– А с нами точно ничего не случится? – подняв к нему распахнутые от ужаса глаза, спросила она.

– С тобой – точно. Обещаю

Тогда же они отыскивали в погребе, где спрятались от новой напасти, несметные залежи пыльных бутылок вина, и вдвоём напились, впервые его попробовав. Это было странное и приятное ощущение, хоть Эндрю и нашёл вкус вина довольно мерзким – ему даже стоило больших усилий не кривить от отвращения рожу, которые Алису только смешили. Однако, они решили, что надо будет это как-нибудь обязательно повторить.

Было ещё много чего, и всё это за один лишь год. Он вспоминал, как они вместе собирали ягоду в лесу или заранее

посеянный урожай, и как было им весело вместе; как вместе пытались готовить, чуть не спалив весь дом, ведь оба не умели и терпеть не могли это дело. Как купались и плескались в озере или просто по полдня беззаботно нежились на траве, мечтательно глядя в голубое безоблачное небо над головой и болтая о всякой всячине. Как справляли её день рождения, на которое он подарил ей собственноручно сделанный из дерева медальон в форме сердца, а всего спустя пару дней уже наряжали ёлку и праздновали новый год.

– Прости, но я думаю, Санта в этом году не приедет, – сказал он, презентуя ей новые рукодельные подарки. – Тем более, что мы поступили скверно. Наверное, следовало остаться дома, но ведь глупо было бы оставаться лишь ради подарков, верно?

– Я больше не верю в Санту, – отозвалась вдруг тогда Алиса. – Потому что знаю, что его нет.

– Ого. И когда же ты успела это узнать?

– В прошлом году я попросила его сделать так, чтобы родители больше не ссорились, а папа больше не злился на меня. На Новый Год я получила лишь новый набор Барби.

– ...Прости, принцесса. Но, мне кажется, набор Барби это тоже не так уж и плохо. Или нет?..

Дружба между мальчиком и девочкой невозможна. Либо однажды она перерастает в нечто большее либо заканчивается, так и не дойдя до этого. Теперь мальчик это понял.

Со стороны лестницы вдруг раздался оглушительный на

фоне тишины, шум, как будто что-то где-то рядом случайно упало.

Или кто-то.

Эндрю резко обернулся, но всё, что успел увидеть – лишь мелькнувший на миг клочок белой пижамы да сверкающие ярче любой звезды розовые пятки. Он невольно улыбнулся.

Да, он определённо обожал этот неуклюжий и милый комочек счастья, источавший свет и доброту. Будь у него одно желание на выбор, он не знал, что выбрал бы в итоге: чтобы она никогда не выросла или никогда её не отпускать.

Первое было на руку только ему.

Выбрав второе, хуже было бы обоим.

Но одно он знал точно: детям нельзя позволять взрослеть. Равно, как и оставлять их одних.

Дневник Алисы

Mikky Ekko – Smile

8 сентября.

Привет, дорогой Дневник. Это снова я, твоя Алиса. Рад ли ты мне? Не знаю, но у меня кроме тебя никого нет, так что, будь так добр, потерпи немного.

Вот и всё – вот и кончилось тёплое лето, как пелось в одной песне.

Вчера ночью я плохо спала, потому что родители снова громко ругались на весь дом, и папа опять бил маму. Моё сердце сжималось и билось с бешеной скоростью, всю меня трясло, а сама я, съёжившись, пряталась под одеялом, когда снизу разносились папины крики, мамины рыдания и жуткий грохот, словно у нас поселился полтергейст.

Я всё это к тому, что тебе может показаться, что сейчас я довольно рассеянна и не похожа на себя. Хотя я всё же поспала после школы (вместо того, чтобы делать уроки, да), пока никого не было дома, но мало ли.

Так вот. Я хочу рассказать тебе об одном важном событии, которое со мной сегодня произошло. Готов? У меня появился новый сосед! Это очень милый и добрый мальчик по имени Эндрю. Мы познакомились утром на детской площадке перед моим домом, когда я ждала отца, чтобы он отвёз меня в школу, пока мама Эндрю и люди в рабочей форме переносили вещи из машины в их новый дом. Я спросила, почему он не помогает им, а он сказал вот что:

– Мама говорит, что я слабак и помощи от меня никакой. Что я только буду мешаться под ногами. Сказала пока побыть здесь.

Отца у Эндрю нет, и, знаешь, я ему очень завидую... Ой, да ты, наверное, хочешь знать, как мы познакомились! А вот как. Выйдя из дома, я заметила его, сидящего на скамейке, грустного и задумчивого, и села рядом. Знаешь, как мне было неудобно и неловко? Хотя ты знаешь, я ведь рассказыва-

ла тебе, как мне сложно знакомиться с новыми людьми. Я очень стесняюсь и не могу выдавить и слова. Но... к нему меня отчего-то тянуло, я сразу поняла, что он мой человек и мне с ним будет легко. Я сказала "привет", он тоже, а затем сорвал ромашку и подарил мне. А я ведь люблю ромашки! Как мило, правда?

Мы поболтали о том о сём, он рассказал о себе, я о себе. Оказалось, что он на два года старше меня, а ещё очень застенчивый, также, как и я. Поэтому я могла говорить с ним свободно. Как и он со мной. Мы с ним так похожи, и у нас много общего, и мне с ним хорошо и комфортно. Завтра он пойдёт в школу, и я ему там всё покажу и объясню, и вообще мы договорились держаться всегда вместе, вот.

Но это не всё. Потом пришёл наш дворовый кот – мы тут все зовём его Пушистиком. Это странно, ведь он у нас облезлый, хромой, некрасивый (но я его всё равно люблю!) и, самое главное, очень пугливый – стоит приблизиться или попытаться хотя бы погладить, как он тут же убегает. А тут сам подошёл, представляешь? А когда Эндрю решил его погладить и взять на руки, он не стал сопротивляться!

Пока Пушистик довольно урчал в его руках, я сказала: – Наверное, ты кот. Иначе я не могу это объяснить. – Это была попытка пошутить, и, как оказалось, неплохая, потому что Эндрю рассмеялся. – А можно я буду звать тебя Котиком?

А что? Всем ведь нравится, когда их называют ласковыми

именами. Какая я глупая, правда? Однако он сказал, чтобы называла как хочу, но вообще, ему хотелось бы, чтобы звала Зонтиком (за то, что он всегда может спасти от всякой беды) или Волчонком. Это было его любимое животное. Но волки ведь злые и совсем не милые. А он – наоборот.

Когда вышел отец, я быстро попрощалась и убежала. Папу лучше было не злить. Он очень странно глянул в сторону Эндрю – таким взглядом богатые обычно смотрят на бедных – но ничего не сказал.

Ну а дальше всё как обычно – в школе надо мной опять смеялись и звали страшной и толстой, на этот раз Рэтт – главный красавчик и задира класса – ну, я рассказывала – в столовой сделал подножку и я упала на пол, уронив поднос с едой и размазав её по нему. Все смеялись, я заплакала и убежала, а потом ещё долго рыдала, запершись в школьном туалете. Я привыкла уже. А что я могу сделать? Папа Рэтта – директор школы. Мой папа, конечно, тоже не последний человек в городе (а уж мы-то с тобой знаем, в каком нехорошем месте он заслужил это положение и свой – как там это слово? – авторитет, просидев там довольно много времени), но он винит только меня в том, что ко мне так относятся. Всегда твердит, какая я бесполезная и плохая. Кричит. Даже бьёт, если зол. За что он так со мной?..

Прости, я опять плачу.

Прости.

Ну, в общем, как я и говорила – мой самый обычный день,

ничего нового или хорошего.

Если не считать Эндрю, разумеется.

10 октября.

И снова здравствуй, мой милый друг. Прости, что так мало внимания уделяю тебе в последнее время, правда. Мне так много нужно тебе рассказать!

Мы с Эндрю теперь не разлей вода, самые настоящие друзья. Я так рада, что у меня кто-то наконец появился. Мы с ним очень похожи и понимаем друг друга с полуслова, как будто... мы были созданы, чтобы однажды встретить друг друга. Да у нас даже фамилии одинаковые! Это выяснилось, когда у наших классов был совмещённый урок. Поразительно, правда?

Мы часто гуляем и много времени проводим вместе, и даже в школу ездим на одном автобусе и всегда сидим рядом (правда, нам постоянно приходится едва ли не воевать за место у окошка). Эндрю говорит, что мы как Форрест Гамп и Дженни, когда те ещё были детьми. Стручок и горошина. Мне этот фильм не нравится, как по мне, он слишком долгий и скучный, но Эндрю от него без ума.

Как оказалось, он очень любит читать, да настолько, что до переезда даже ходил за книгами в библиотеку, а сейчас записался в нашу городскую (там мы тоже иногда проводим время), и вообще он очень умный. Но что интереснее – он

сам постоянно что-то пишет и выдумывает всякие крутые и интересные истории, пишет песни и даже рисует, и всё это у него отлично получается! Думаю, у него талант. Может, мне посчастливилось встретить уникального человека, который изменит этот мир и войдёт в историю? Кто знает. Но главное, что этот человек – мой, и мой навеки!

Конечно, в школе ему, как и мне, приходится нелегко, а ему так ещё и тяжелее – он ведь мальчик. Я вижу, как старшие над ним издеваются, часто бьют и подавляют – особенно этот блондин Алекс и его компания. Но его слёз я не вижу – он не позволяет их видеть. Я знаю, что они поступают очень плохо и хочу ему помочь, но не знаю, как. Если б я только могла сделать хоть что-то. Они презирают его за то, что он не такой, как они. Странный. Молчаливый, ни с кем не говорящий и вечно стоящий в стороне. Некрасивый. Слабый. И бедный. Но мне всё равно. Они просто глупцы, раз не понимают, какой Эндрю прекрасный на самом деле человек.

Я часто приглашаю его к себе в гости, хоть он и всячески противится, потому что очень стесняется, но у меня всегда получается его уговорить – он очень не любит, когда я обижаюсь (вернее, лишь делаю вид, только тсссс! Ты ничего не знаешь!).

У меня, пока нет родителей, мы играем во что-нибудь, смотрим мультики (в основном – мои любимые), и проводим время в моей комнате. Позавчера, например, мы смотрели "Троллей" и я сказала Эндрю, что он похож на одного из пер-

сонажей (прости, не помню имя) – на вид такой же злока, но в душе добрый и ранимый. А вчера – "Мост в Терабитию", мой любимый фильм, который мама показывала мне в детстве. Теперь это любимый фильм и у Эндрю тоже.

Кстати, я даже познакомила его с нашими общими с тобой друзьями – это мой крыс Лаймон, попугай Бэйзил и плюшевый мишка Элайджа, если помнишь (вы не так дружны, как мне бы хотелось, но всё же). Его удивило даже не то, что у меня дома так много живности, а то, что я дала всем своим верным друзьям такие забавные прозвища. Но вот с тобой я его познакомить не могу, прости.

Ну, а о том, как у меня в комнате уютно, ты и так знаешь. А вот Эндрю, кажется, позабавило, что тут так много вещей розового цвета и плюшевых игрушек. Я даже немного расстроилась. Ну конечно, он же большой, а большие мальчишки не играют в куклы и игрушки! Ну и ладно. А ещё я угощаю его чаем и всякими сладостями!

Только вот мои попытки побывать у него в гостях никогда не заканчивались успехом. И очень скоро я узнала, почему. Придя вечером после одной из наших прогулок домой и попрощавшись с Эндрю, я встретила в прихожей встречавших меня маму и папу. Папа был зол, и по нему это было видно.

– С кем ты гуляла? – спросил он.

Я сказала, что с Эндрю. Родители знали об этом, но папе это почему-то не нравилось. А мама...мама была просто рада, что у меня наконец появился друг. Живой друг.

– Я запрещаю тебе с ним дружить и гулять. Узнаю – пеняй на себя.

Я знала этот тон. Я боялась его. Однако, дорогой друг, тогда твоя Алиса так осмелела, что решилась возразить:

– Но почему?!

Я правда не понимала. Тогда папа молча схватил меня за руку и подвёл к окну, выходящему на двор дома Эндрю. Я увидела, как дверь открылась и из неё вышел выглядевший довольным, мужчина, а мама Эндрю, с растрёпанными и спутанными волосами, одетая в один лишь халат, провожала его.

– Знаешь, сколько мужчин уже так вышло из её дома за этот месяц? – вкрадчиво спросил папа. В этот момент мама Эндрю заметила нас и поспешно скрылась за дверью, но что странно – перед этим она ещё пару секунд пристально смотрела на моего отца, словно она встречала его уже когда-то и сейчас не верила своим глазам. – Знаешь, что они там с ней делают?

– Подожди, – вмешалась мама, тихо обращаясь к отцу, – она слишком мала, ей ещё рано...

Но тот её не слушал и даже оттолкнул, велев заткнуться.

– Алиса, ты позоришь нас, меня и себя, якшаясь с этим сбродом! Подумай, что о нас скажут люди!

– Да тебя только это всегда и волнует! – выпалила я. Да, я у тебя уже совсем бесстрашная стала. – Что скажут другие!

Тут лицо папы побагровело, он с силой сжал мой подбор-

родок, будто в тиски, и повернул к себе, наклонившись и глядя в глаза.

– Посмотри на меня, – прошипел он сквозь зубы. – Посмотри на меня! Эта женщина пьёт и спит с многими мужчинами. Она – отброс общества, грязная и нищая шлюха, а сынок её вырастет наркоманом и бомжом! Вот, с кем ты дружишь? Что, хочешь вырасти и быть такой, как они? Хочешь вырасти такой, как она?!

– Лишь бы не такой, как ты! – в слезах крикнула я и убежала, ловко высвободившись из его мёртвой хватки, добравшись до своей комнаты и упав на кровать.

Я ждала, что он придёт и это продолжится. Но пришла мама, чуть позже, и села рядом. Вообще-то у моей мамы – её, кстати, зовут Эллисон – красивый и чудесный голос, которым она часто поёт мне колыбельные перед сном, но тогда она пришла не за этим.

– Солнышко, ты ведь понимаешь, что папа лишь хочет как лучше для тебя, правда?

– Тогда почему он запрещает мне дружить с Эндрю?

– Потому что эти люди плохие и подают тебе дурной пример. Папа просто беспокоится за тебя.

– Но Эндрю не плохой! – почему они ничего не понимают? – Эндрю никогда не станет таким, как его мама! Он – другой!

Мама лишь тяжело вздохнула.

– В любом случае тебе не стоит с ним больше общаться, –

беспомощным и будто умоляющим голосом произнесла она напоследок, поднимаясь и направляясь к двери. – Не стоит злить отца. Это для твоего же блага, доченька. Для нашего.

Это всё, чем она могла мне помочь. Отца мама у нас боится больше меня, и я не уверена, что она любит меня. Ведь если любит, почему ж тогда позволяет такое? Бить меня. Может, она и хочет мне помочь, но не может?

На самом деле мой папа не такой уж и плохой, и когда у него хорошее настроение, он может быть добрым, заботливым и милым, прямо как Эндрю. Но такое бывает редко, а уж в последнее время – всё реже.

Думая обо всём этом, я тогда разревелась и прорыдала полночи, уткнувшись лицом в подушку. Но твёрдо решила, что Эндрю я не брошу.

Ни за что.

И никогда.

10 декабря.

Привет, дорогой дневник. Надеюсь, хоть у тебя всё хорошо... Знаешь, что со мной на этот раз приключилось? Не поверишь – сейчас я пишу тебе, лёжа на каком-то дырявом диване в заброшенном доме на окраине города. Да, теперь у меня, похоже, нет дома. Как хорошо, что я хоть успела забрать тебя с собой и не оставила там одного...

За окном ночь, и тут довольно темно и холодно. Но мне

не страшно, ведь со мной Эндрю. Но сейчас он спит, а я вот всё никак не могу уснуть. Хочешь знать, с чего всё началось? Тогда устраивайся поудобнее. А я тебе помогу в этом. Вот так.

Ах да, совсем забыла сказать, что мы в этом доме уже не первый раз и даже нашли здесь четырёх новых и верных друзей. Правда они четверолапые, пушистые и совсем не умеют говорить, но может, это потому что они ещё совсем маленькие?..

Но давай обо всём по порядку.

...За прошедшие два месяца я так и не перестала дружить с Эндрю, даже напротив – мы ещё больше сблизились! Только на следующий день после того случая он вдруг отстранился от меня и стал избегать. Как выяснилось позже, в тот вечер он выносил мусор и всё слышал – так громко кричал мой отец, а у нас ведь ещё и дома очень близко друг к другу стоят. Он сказал, что лучше нам и правда больше не общаться, но я сказала, что не отпущу его и буду рядом до тех пор, пока сам не захочет этого. А я знала, что он не хочет! Ну...вернее, хотела так думать. Ладно.

Мы помирились, но решили скрывать нашу дружбу от моих родителей, и поначалу у нас даже неплохо получалось. В тот же день примирения он наконец рассказал о своей маме. Отца у него не было – тот бросил его ещё в родильном доме, едва увидев, и сказал, что это не его сын. Так, во всяком слу-

чае, ему рассказывала мама. Та была ещё довольно молода и отдала Эндрю на воспитание бабушки – у него остались о ней очень хорошие и тёплые воспоминания. Но так бывает в жизни, и самые близкие нам люди иногда уходят, туда, где, если верить словам родителей, их ждёт куда более лучшая жизнь, чем здесь. Туда, где они счастливы, наконец обретая покой. Так произошло и с бабушкой Эндрю несколько лет назад, и мама была вынуждена забрать его к себе. Он ненавидел её, и ему было больно рассказывать обо всём этом. Я видела это, но мне было жутко интересно. А ты ведь знаешь, что я просто не смогу заснуть и умру от интереса, если мне чего-то не сказать!

Его мать постоянно пила алкоголь, а так как девать сына было некуда, ей приходилось брать его с собой. В гостях были и другие дети, дети её друзей и подруг. Но ни с кем из них он не мог подружиться и просто молчал, стоя в стороне. Как же я его понимаю... Маме было всегда плевать на его желания, просьбы, она относилась к нему как... как кому-то или к чему-то другому, но точно не как к сыну! Это же просто ужасно. Мне вдруг стало интересно про мужчин, что же его мама там такого с ними делает, так ещё и что они потом такие довольные уходят! Но Эндрю сказал, что я ещё маленькая и мне о таком знать ещё рано. Сама узнаю, когда вырасту, сказал он.

– Злюка ты, – обидевшись, сказала я. – Бу.

Ну а что? Прямо как папа мой. Он мне вообще его во мно-

ГОМ напоминал...

Мы решили, что будем вместе всегда, несмотря ни на что. В это же время мы стали сбегать из школы, чтобы проводить больше времени вместе, а учителя охотно верили в несуществующие боли и плохое самочувствие. Глупые, правда? Родители давали мне деньги на карманные расходы, и однажды, в один из таких дней, мы решили потратить их на поход в городской парк аттракционов – я там часто бывала с мамой и папой, а вот Эндрю не был там ни разу, и я решила его сводить и сделать сюрприз (конечно же, он об этом не знал, я просто предложила провести там время). Так вот, пока он ходил покупать билеты (я слишком маленькая для этого), а я осталась одна, ко мне подошла одна странная пожилая женщина. Её одежда была рваной и поношенной, сплошные обноски, а волосы – седые, длинные и неухоженные. Отчего-то мне было некомфортно и беспокойно рядом с ней. Знаешь, что она сделала? О, она взяла мою ладонь и, проведя с ней какой-то непонятный ритуал, предсказала мою судьбу. И описала её как высокого, тёмненького парня с именем на букву Э. Представляешь? Когда он пришёл с билетами и сладкой ватой, её уже не было. А я, потеряв дар речи, смотрела во все глаза на Эндрю. Тёмненького и высокого.

Ох, лучше тебе не знать, что было потом, когда я вернулась домой. Папа уже ждал меня. И знал, что я сбежала из школы, и сбегала много раз до этого, чтобы гулять с Эндрю. Даже специально освободился с работы, чтобы меня встре-

тить. Не говоря ни слова, он велел идти наверх, в мою комнату, и зайдя следом за мной, закрыл дверь. Он был в ярости. Я знала, что на этот раз никакого разговора не будет. Как же мне больно об этом вспоминать...

Сначала были пощёчины. Потом он разошёлся и стал бить во всю силу. Знаешь, как это было больно? Я, трясась от страха, забилась в уголок рядом с кроватью, а он продолжал надвигаться, но вскоре всё-таки смог взять себя в руки.

– Я надеюсь, мы друг друга поняли, Алиса, – проговорил он. – Увижу тебя с ним ещё хоть раз или узнаю, будет ещё хуже. Ты поняла меня? Поняла?!

Но. Я больше не могла это терпеть. Я вскочила, схватила рюкзак и что есть мочи вылетела из комнаты, напоследок, чуть не захлебнувшись слезами, выкрикнув:

– Нет! Ты мне не указ! Я хочу дружить с Эндрю и буду дружить! Ненавижу тебя!

Затем я, со всех ног, в мятой и мокрой от слёз одной лишь школьной форме сбежала с лестницы и рванула куда глаза глядят, главное – как можно дальше отсюда. Я ожидала, что отец в бешенстве побежит за мной, но он так и остался стоять как вкопанный в моей комнате. Кажется, последние слова его сильно задели и до него только сейчас дошло.

Первым делом я, конечно же, встретилась с Эндрю. И расплакалась, упав в его объятия.

А потом рассказала всё.

Вот что он сказал:

– Я не позволю ему больше этого делать с тобой. Я спасу тебя и вытащу отсюда, ты не должна всё это терпеть. Ты заслуживаешь большего. Послушай, давай убежим? Не из дома, а вообще – навсегда? Из этой жизни, из этого города? Туда, где нас никогда не найдут. Где будем только мы вдвоём.

Мне очень понравилась эта идея. Да я хоть на край света была готова с ним идти!

Только потом я узнала, что к нему домой уже не раз навевались злые люди из службы по надзору за детьми и, так как его мама пьёт, а их семья неблагополучная, они собирались в скором времени лишиться её родительских прав, а Эндрю – отправить в детский дом. У него тоже просто не оставалось выхода, да и всё так удачно сошлось...

– Но пока тебе нужно вернуться домой. Нам нужно всё спланировать и подготовить. То есть, мне. Потерпи немного, принцесса. И всё изменится – вот увидишь.

Ну, я согласилась, хоть и мысль о том, чтобы вернуться домой, была мне невыносима. Но если так надо...

Мы даже решили, в какой день всё произойдёт, назначили дату. Дату моего рождения, до которого оставалось всего две недели!

– Никто не будет ждать от тебя этого в такой день, – объяснил Эндрю. Как же он был умён! Я бы никогда не додумалась. Конечно, я же глупая, куда мне.

Мы решили, что я вернусь домой завтра, а сегодня нам пришлось заночевать в этом самом заброшенном бараке. От-

куда я и пишу тебе сейчас, мой дорогой друг. На улице уже зима и повсюду снег. Тут холодно, но Эндрю отдал мне свою куртку. Какой же он всё-таки хороший...

А теперь самое интересное, чуть не забыла! Знаешь, как мы нашли это здание? А нашли мы его в один из тех дней, когда сбежали из школы и отправились гулять. Всё бы ничего, но тут я увидела папу, который ехал на машине по соседней улице! Мы бросились бежать со всех ног, пока он не заметил, и в итоге оказались на самой окраине. Мы обыскали этот дом и он оказался пустым, и с тех пор это наше убежище, наш второй дом, куда мы всегда можем придти и где никто не запретит нам быть вместе.

Но не тут-то было, дом оказался вовсе не пустым! В подвале мы нашли четырёх маленьких котят, которых кто-то здесь, видимо, бросил. Кто-то злой и бессердечный. Мы с Эндрю не могли это так оставить, и, каждый раз сбегая из школы, спешили сюда и кормили их едой, которую нам давали в школу родители или которую мы покупали по пути.

Эти котята, они как дети. Правда, ведут они себя ещё хуже! Один хороший и спокойный, а второй это какой-то кошмар! Ему постоянно что-то нужно, постоянно что-то не так, он постоянно ноет и вредничает. Ему нужно отдавать всё внимание, потому что в противном случае голова лопнет от постоянного мяуканья. Если честно, я его даже боюсь...

Но вот тот, что спокойный – он мне сразу приглянулся и понравился больше остальных. Ты бы только видел – у

него смешная и милая, но серьёзная, мордочка с розовым носиком, серо-голубые водянистые глаза, в которых будто бы сплелись всё любопытство, всё недоверие и вся печаль этого мира, и чёрный с белым окрас. Мы с Эндрю решили дать ему имя, и очень долго ломали головы, как бы его назвать, пока Эндрю не предложил назвать его Бу. Забавно, правда? С тех пор мы стали заботиться о нём больше всех и он стал нам очень дорог.

Зачем вообще людям дети, когда можно завести котят? Не понимаю.

Мне очень не хочется оставлять их здесь одних (особенно Бу), ведь мы с Эндрю скоро уезжаем, а значит, они снова останутся здесь одни, голодные и замёрзшие. Может, даже умрут. Бррр, даже не хочу об этом думать. Поэтому я решилась на очередной рискованный и ответственный шаг: Бу я заберу с собой, и пусть мои родители попробуют хоть слово сказать против, а остальных мы просто подкинем какому-нибудь хорошему человеку под дверь, это не проблема.

...Ну, вот и всё, дорогой Дневник, на сегодня хватит. Это был тяжёлый день и я очень устала. Котята уже спят вместе со мной – куртка Эндрю оказалась достаточной большой, чтобы спрятать под ней от холода и их тоже. Да и тебе самому уже пора спать. Так что сладких тебе снов и спокойной ночи. Пока.

Позже.

Угадай, кто вернулся домой? Правильно, твоя непослушная Алиса! Мне почему-то очень хорошо сейчас, и я жду не дождусь своего дня рождения. Никто вокруг ведь даже и не догадывается, какой я подарок приготовила им, хи-хи. Ха, а знаешь, что самое забавное и удивительное? Когда я сбежала, родители подняли на уши весь город и обыскались меня, и представляешь, как они удивились, когда я вернулась сама? Да не одна, а с живым и пушистым комочком в руках! (да, у нас всё получилось, и теперь у котят есть новый дом и те, кто о них позаботятся, ура)

И они не злились, вообще ничего почти не сказали, а мама даже обрадовалась Бу и приняла его в наш дом. А папа, папа стал каким-то добрым и дружелюбным, как будто ничего и не произошло. Вот только я уже не уверена, нужна ли теперь буду Эндрю, потому что была дико голодна и смела подчистую буквально всё, что было в холодильнике, и скоро стану толстой и некрасивой. Вернее, ещё более толстой и некрасивой, чем сейчас, чтоб ты понимал масштабы катастрофы.

Всё-таки хорошо было вернуться домой. Только вот ночью, когда я уже спала (вернее, делала вид), ко мне пришёл папа и, сев на угол кровати, долго и тяжело молчал и просто задумчиво смотрел на меня.

– Я знаю, что поступил плохо. – Кажется, он говорил это самому себе, я ведь спала (он так думал). – И дай мне шанс отмотать время назад и всё исправить, я, скорее всего, по-

ступлю так же. Но я лишь хочу как лучше. Всегда хотел, но, видимо, никогда не понимал, что для этого нужно делать. Может, я неправ и поступил неправильно. Точнее, так и есть. Но... просто я люблю тебя, доченька. Я люблю тебя, милая, с самого дня твоего рождения. Больше всего на свете. Ты – всё, что у меня есть. Самое светлое и лучшее в моей жизни, самая светлая и лучшая часть меня.

Перед тем как уйти, он поцеловал меня в лобик. Конечно, я ненавидела его за то, что он сделал, но не смогла сдержать слёз. Похоже, и правда любит...

Плевать. Сам во всём виноват, нечего было со мной так обращаться. Пусть это будет ему уроком.

Я заснула в предвкушении того самого дня. Дня, обещавшего стать лучшим в моей жизни. Осталось две недели.

24 декабря.

Вот и настал тот самый день! Да! Сегодня мой день рождения!

День моего нового рождения.

В доме царила предпраздничная суэта, все были как никогда рады мне и доброжелательны, особенно учитывая, что сегодня у нас было целых два праздника, ведь по какой-то странной случайности день моего рождения пришёлся на Сочельник. Приехали все мои родные, двоюродные и троюродные братья и дяди, у нас их целая прорва, и, честно гово-

ря, я даже не была уверена, поместятся ли они все в одном доме или нет. Ещё приехали бабушка с дедушкой – тот был единственным человеком в семье, которого я по-настоящему любила, и который по-настоящему любил всех нас, даже несмотря на то, какими мы иногда бывали врединами. Конечно, мне было до жути интересно, какие же подарки меня ждут на этот раз, а мама уже успела наготовить кучу вкусностей и ароматных блюд, и я даже подумывала остаться, ведь теперь меня все любят и в побеге больше нет смысла... Но я не могла так подвести моего Эндрю. Всё, решено – значит, решено!

Бабушка подарила свой подарок раньше срока – это было чудесное розовое платье, как у настоящей принцессы, и она хотела, чтобы я надела его вечером. Оно было таким прекрасным! Я и правда была в нём похожа на принцессу. Как бы Эндрю был рад, увидев меня в нём! И вот, вскоре настал вечер. Меня отправили в свою комнату наряжаться к празднику...

...Но вместо этого я начала быстро собирать самые необходимые вещи, складывая их в свой рюкзачок – сумка для меня была слишком неподъёмной и тяжёлой. Затем я свила верёвку из одеял и полотенец, как показывал и учил Эндрю, и протянула её из окна моей комнаты до самой земли. Если это кто-то увидит, то накрылась моя маленькая мечта медным тазом! И вот, когда я уже скинула рюкзак вниз, собралась с духом и решила, с низу, со стороны кухни раздались

громкие голоса:

– Алиса, ты скоро? Поторапливайся скорее, солнышко, мы тебя тут уже все заждались!

Я не знала, что делать. Они ведь меня так любят... А как же Эндрю? Нет! Сейчас или никогда! Мне было страшно, но спуск прошёл на удивление хорошо, не считая того, что у самой земли твоя неуклюжая ходячая катастрофа таки сорвалась и больно упала на пятую точку. До сих пор болит! Ужас!

С Эндрю я встретила за пару кварталов от наших домов. Его вещи тоже были собраны. Он сказал, что тратить время нельзя и мы отправились на городской вокзал. Вряд ли, обнаружив нашу пропажу, наши родители решат, что мы собрались бежать из этого города, так что у нас было преимущество. На улице была настоящая сказка – красивый снегопад, милые, развешанные на каждом шагу жёлтые гирлянды, свет горящий в доме каждой отмечающей праздник семьи – и я вдруг подумала: какой глупец вообще сбегает из дома в Сочельник, и, тем более, в свой день рождения? Но иначе было никак. Да и возвращаться было поздно.

Вдруг Эндрю спросил:

– Ты уверена? Подумай хорошо. Пути назад может не быть.

– А ты? – ответила я. – Если ты, то и я тоже. И вообще, кто тут у нас большой и умный мальчик, ты или я? Вот и решай за нас обоих!

– Тогда решено, – сказал Эндрю. Хотя было видно, что

мне удалось его смутить.

Так-то! Будет знать, как называть меня маленькой и глупой!

...Ну вот и всё, мой дорогой друг. Поезд-беглец, на который мы пробрались тайком, выдав себя за брата и сестру, мчится в неведомую нам даль, но куда именно – нам пока неважно. Я не знаю, что будет дальше, но знаю, что назад пути нет. Мимо нас пролетают укрытые синевой ночи поля, холмы, склоны и соседние с нашим маленькие городки. Я очень хочу спать. Ни о чём не думаю и не жалею. Главное, что Эндрю рядом. Сейчас он спит, а в подключенных к его плееру наушниках у него играет какая-то очень грустная песня. Я тихонько взяла один и поднесла к уху, чтобы послушать.

"Runaway train never going back,
Wrong way on a one-way track,
Seems like I should be getting somewhere
Somehow I neither here nor there"

Ого, такое ощущение, что это песня про нас...

Прости, дневник, но я пишу тебе в последний раз. Эндрю настоял на том, чтобы я с тобой рассталась, он говорит, что мы должны забыть и отпустить прошлое. Всё, что было там, осталось там. Прощай, мой друг, и спасибо за то, что был

рядом в трудные моменты. Без тебя я бы не справилась.

Я не знаю, как дальше сложится моя судьба, получится ли у нас воплотить в жизнь наши планы и мечты. Не грусти. Всё однажды у всех нас будет хорошо. Иначе и быть не может. Просто нужно ждать и верить в лучшее.

С любовью, твоя Алиса.

Кое-что глупое

The Cranberries – Just My Imagination

...С тех пор много воды утекло, много времени прошло. С их знакомства до того её необдуманного признания. И после него. Всё было по-прежнему, их жизнь – такой же радостной и беззаботной. Как они и мечтали. Вот только... друзьями они больше не были. И оба это чувствовали. Слишком много они сделали друг для друга, слишком много всего было, чтобы называть это обычной дружбой. Они уже не были даже братом и сестрой. Нечто большее. То, чего так боялся, но в то же время безумно хотел Эндрю. Да и она тоже. Всё изменилось в один день и в один миг.

Одним летним днём Эндрю предложил устроить на их любимом озере уикенд с ночёвкой. Алиса знала, что он любит море, особенно ночью. Но... моря у них не было, увы. Тогда Алиса поняла, что пора действовать. Но, как всегда, сомневалась, и в нём, и в себе. Что, если он её отвергнет? Оттолк-

нёт, потому что она слишком ещё маленькая для него. Слишком непривлекательная. Или просто друг для него, и ничего больше. В глубине души она уже знала его ответ и реакцию, но попробовать стоило. Если нет – тогда они просто забудут об этом и никогда к этому не вернуться.

...Тихая и спокойная вода едва слышно и приятно шумела, омывая пеной и маленькими волнами песчаный берег озера. Они сидели и грелись у тёплого и яркого костра, а в небе ярко сияла далёкая луна, пряча от любопытных глаз свою тёмную, неизведанную сторону. Навеселившись и отсмеявшись, в какой-то момент они оба притихли, и тишину нарушал лишь шум озера и треск костра. Алиса взглянула на Эндрю. Своего Эндрю. Давай, подруга, как в тот раз. Сейчас или никогда.

– Можно я сделаю кое-что глупое? – глядя прямо ему в глаза и сгорая от стыда и злости на себя, робко и тихо спросила она.

Он молчал. По лицу Эндрю редко можно было заметить какие-либо эмоции и ей оставалось лишь гадать, о чём он думает. Но молчание затянулось и она поняла, что он лишь думает, как бы помягче сказать то, чего она и ждала. Хотя втайне и ждала другого. Она была готова расплакаться от собственной глупости и никчёмности.

– Насколько глупое? – в тон ей вдруг ответил Эндрю.

– Настолько, насколько хватит смелости, – на этот раз без промедления и не задумываясь, сказала Алиса.

И не успел он и глазом моргнуть, как она игриво и застенчиво поцеловала его в щёчку, быстро и стремительно, словно комар укусил. Но на этот раз он не отстранился от неё, не назвал глупой и ничего не понимающей девчонкой.

Она в нём не ошиблась.

И ни капли не жалела, хоть и до сих пор не могла поверить.

Дальнейшее было бы сложно описать словами. Но это не было похоже на то, что было раньше. Всё оказалось, как и говорил Эндрю.

"Любовь – это когда два человека вместе и не могут друг без друга жить. Когда один в сердце и мыслях другого, когда они будто две части единого целого. Продолжения друг друга. И один готов пойти ради другого на всё. Любовь – лучшее, что может произойти с человеком. Любовь – это счастье".

Но любые слова в этом случае были лишними. Они просто были счастливы быть друг с другом. Счастливы, как никогда до этого. Как только могут быть счастливы лишь влюблённые по уши дети.

Любовь, ненависть, любовь

– Тебе никогда не хотелось вернуться? – вдруг спросила Алиса, лёжа с ним в обнимку на их общей кровати. – А что?

Только подумай: там нас ждёт целый неизведанный мир. А про нас уже давно все забыли. Да и кто нас узнает, за тысячу миль от нашего города? Спустя столько лет? Правильно – никто. А что, если... что, если мы вообще совершили ошибку? М? Что, если нам не стоило сбегать тогда? Мы ведь были маленькими, глупыми детьми, и даже не до конца понимали, что делаем. Но мы ещё можем вернуться. Не домой, конечно, нет, но... в общем, ты понял.

Она чуть приподнялась на локте, лёжа на боку, и заглянула ему в глаза.

– Эндрю.

Но тот молчал, невидящим взглядом глядя в потолок. Он не хотел продолжать этот разговор. Не хотел, чтобы он начинался. Но это было неизбежно – она ведь стала уже совсем взрослой, его Алиса, а он и подавно. Ей теперь было тринадцать. Он прекрасно всё понимал. Ей хотелось увидеть мир, мир за стенами их замка. Новые ощущения. Города. Места. Люди. Ей было тесно здесь. Скучно. И он это понимал. Когда-то она была здесь свободна, а сейчас всё больше напоминала птичку в золотой клетке. Славные деньки, озарённые ярко сияющим солнечным светом, прошли. Прошлое осталось в прошлом, и только он один хотел остаться там вместе с ним. И вместе с ней.

– Хочешь всю жизнь провести здесь?

– А ты нет? – резко выпалил он, прекрасно зная ответ заранее.

Нет, конечно.

Она изменилась за это время. И внешне, и внутри. Стала более женственной, более взрослой, более самостоятельной. Капризной и эгоистичной. Она выросла и помолодела. Он же чувствовал себя всё тем же Эндрю, каким был тогда, только будто состарившимся на пару десятков лет. Она становилась типичным подростком, не могла усидеть на месте и хотела жить, и это было нормально, а он... он был просто жалок.

– Послушай меня, принцесса. – Теперь и он принял ту же позу, что и она. – В том мире нет ничего хорошего. Мы с тобой уже видели его. Он принесёт тебе лишь боль и страдания. Он убьёт тебя. Он не нужен нам. Не нужен тебе. Прошу тебя, поверь мне.

– Вот как? – ему не нравился этот тон. В такие моменты его Алису будто подменял другой человек, она была непохожа сама на себя. Его это пугало, и даже причиняло боль. Боль от того, что та, кого ты знал и любил, оказалась вовсе не той, кем казалась тебе всё это время. Или же боль от того, что она просто изменилась, как и любой человек по прошествии лет, а ты всё ещё держишься за былое, которого уж давно нет.

Человек-загадка, человек-настроение, человек-хамелеон – вот кем она была.

– Как ты можешь так говорить, если ни разу за эти годы не выбирался из этого дома? Ты не можешь заставлять меня поверить в то, чего не знаешь сам. То время прошло, Эндрю, а мы выросли. Мне хорошо с тобой. Я люблю тебя, чёрт возь-

ми! Но ты не хочешь меня понять. Не хочешь понять, что я не твоя игрушка, а живой человек. Знаешь что? Парень, который действительно любит свою девушку, пойдёт за ней куда угодно, а не будет всю жизнь держать рядом с собой, как собаку на поводке.

С этими словами она встала и направилась к двери спальни, но Эндрю, сам себя не помня от накатившей вдруг бешеным приливом ярости, вскочил с кровати и схватил её за запястье, повернув к себе и заставив смотреть в глаза.

– Да послушай ты меня! – прокричал он. В последнее время её капризы и истерики стали порядком выводить его из себя. – Я знаю, о чём говорю!

– Ничего ты не знаешь! Ты лишь делаешь вид, что всё всегда знаешь, но на деле ты глупее, чем любой ребёнок! Ты эгоист и думаешь только о себе! Раз ты у нас всё знаешь, то почему до тебя никак не дойдёт, что я живая? А? Что я не та красивая картинка, которую ты, видимо, нарисовал себе в голове за всё это время? Ты любишь не меня, а девушку, которой я никогда не была и не буду. Сними ты уже наконец свои розовые очки и посмотри правде в глаза!

В этот момент в него будто вселился другой человек. Человек, которого она боялась. Он чувствовал странное, нездоровое и опьяняющее возбуждение и одержимость.

– Ты никуда не пойдёшь, ясно? – сжимая её руки будто тисками, вкрадчиво и словно чужим голосом, сказал Эндрю. Он уже не контролировал себя и плохо понимал, что делает.

Но ему это нравилось.

– Пусти меня, мне больно! Эндрю! – Алисе уже действительно было страшно и она всю заливалась слезами. Она не могла поверить, что это он, он, её милый и любимый Эндрю делает с ней такое. Это было похоже на страшный сон. – Знаешь, что? Ты мне кое-кого сейчас сильно напоминаешь. Моего отца!

Стоило Эндрю услышать это, как с его глаз как будто спала пелена и рассудок прояснился. Она всегда знала, куда бить.

– Ты такой же, как он! – в слезах крикнула она. – Как я могла только тебя полюбить? Но знаешь...я хотя бы уверена, что он действительно меня любил, а вот ты...ты просто слабак.

– Слабак и тряпка, – вытирая слёзы, дрожащим и раздражённым голосом продолжила Алиса. – И во всём виноват только ты сам. Абсолютно во всём.

Затем выбежала прочь, хлопнув дверью, а он, с трудом осознавая происходящее, опустился на пол. Он сам стал тем, от кого клялся её защищать. Ему как будто со всей силы ударили под дых, и сделал это самый любимый на свете человек. До этого дня он не понимал, как сильно похож на её отца, а теперь, как и тот, сам всё разрушил и потерял Алису только по своей вине. Хоть и хотел лишь лучшего для неё.

Ей никогда этого не понять.

Но и он так и не смог понять главного.

Немного придя в себя, Эндрю спустился в просторную гостиную и застал Алису с рюкзаком, куда она положила всё самое необходимое. Как и тогда.

Он сразу понял, что происходит. Всё повторялось, только декорации и главный актёр теперь поменялись. А Алису впереди ждало уже не счастье и свобода.

– Прощу, прости меня, – в отчаянии, будто умоляя, сказал он. – Давай... давай просто успокоимся и всё обсудим. Проблемы у всех бывают, но их нужно решать, и решать вместе. Прощу, не уходи. Ты совершаешь ошибку.

– Плевать, – ледяным тоном равнодушно отрезала Алиса и направилась к старинным дубовым дверям. Тяжело вздохнув и обуяв эмоции, она добавила уже более мягким тоном:

– Я люблю тебя, Эндрю. И всегда буду любить. Но я так больше не могу. Пока ты живёшь прошлым, у нас никогда не будет будущего.

– Я живу тобой, – бесцветным голосом сказал Эндрю. – Разве этого мало? Просто... просто знай, что я тоже люблю тебя, и буду любить всегда. Всегда буду ждать тебя, и двери нашего замка для тебя всегда открыты. Я всегда буду здесь. И буду ждать дня, когда ты вернёшься.

Какое-то время она ещё смотрела на него. То ли с надеждой на что-то, то ли с сожалением, то ли с разочарованием. Или же со всем сразу. Но чем бы это ни было – это угасло, и в глазах её тут же зажглась холодная решимость.

– Ты так ничего и не понял, – обречённо покачав головой, через плечо напоследок бросила Алиса. – Я не вернусь, теперь уж точно. Прощай.

Она открыла двери и ушла, и всё, на что он оказался способен – лишь провожать её взглядом, до сих пор не веря в то, что это произошло.

Нет, – ещё раз понял он, – детям нельзя позволять взрослеть.

Равно, как и оставлять их одних.

Интермедия 1. Ещё один день в раю.

– Хотите, расскажу вам ещё одну историю?

Отхлебнув из пивной кружки, человек, которого одни иногда называли Привратником, другие – Старостой, а третьи, из тех, кто знал больше всех – Евреем, участливо поглядел на закутанных в теплые лыжные куртки из дерматина молодых людей – туристов или путешественников, не иначе. Которые, судя по их виду, даже сюда и не собирались, но наткнулись на город по чистой случайности и, решив отогреться в местном баре, уже не первый час слушали истории тощего, согбенного, на вид нелюдимого и недоброжелательного старичка с седой плешью, выводком морщин в районе впалых щек и мутных голубых глаз, и с белой, как снег за окном, двухнедельной щетиной. Правда, слушали с интересом. Не отрывая глаз и широко раскрыв уши.

– Историю об одном паренёке по имени Э...

– Чёрт, Джереми, кончай уже, а! – раздражённо донеслось откуда-то сбоку, из огромной толпы, состоявшей из работяг в дутых меховых куртках, жилетках и кепках и простых жителей, наполнивших и без того тесноватый «Приют для потерянных душ» к концу дня, да так, что не протолкнуться. – Сколько раз мы уже слышали эту историю и имя этого парня? Серьёзно, сколько можно? Каждый раз, как к нам кто-то приезжает, ты рассказываешь им эту долбаную историю, как будто других нет. Ты как заевшая пластинка. Расскажи уже что-нибудь другое, прошу тебя, старина, иначе – Господь свидетель – мы скоро в гробу этого мальчика начнём видеть. Верно ведь я говорю?

Повысив голос к концу речи, коренастый и бородатый мужчина лениво обернулся ко всем сегодня собравшимся здесь, в этом прокуренном, залитым приглушённым неоном зале, людям, ища поддержки. Он её получил – все, кто стоял поблизости, сидел за ближними столиками, все, кто слышал его и держал в руках запотевшую бутылку пива, как один, утвердительно закивали, а воздух наполнился десятками оживленных голосов, один громче другого выкрикивавших фразы в духе «да», «точно», «действительно», «так и есть», «это правда», «правильно», «верно сказано, Зак». Словно он баллотировался в сенат, а эти люди были избирателями, голосовавшими за него.

– А как ещё я должен объяснять им, олух ты несчаст-

ный? – подал голос Джереми, перекрикивая гомон и всеобщее возмущение. – Не могу же я прямо сказать, мол, простите, но вы...

– Я и не говорю об этом, но зачем талдычить одно и то же бог весть уже сколько лет?! Расскажи мою историю, историю любого из нас. И вообще, почему именно ты? Мы все здесь можем рассказать не хуже твоего, что здесь к чему и как, и плевать, что ты живёшь здесь с рождения, что с того?

– Чёрта с два! И ты сам знаешь, почему именно я, и не я так решил.

– Прошу вас, перестаньте ссориться, – прервал вдруг затянувшийся спор тоненький голосок одной из приезжих – той, что с чёрными волосами и скулами, как спелые яблоки, совсем ещё молоденькой. Второй же, видимо, был её молодым человеком. – Нам правда очень интересно. Особенно после того, как вы так нас заинтриговали. Прошу, расскажите, Джереми.

На какое-то время в зале воцарилась тишина – настолько все были ошарашены заявлением новоприбывшей девушки. Вернее, не столько заявлением, сколько её присутствием, о котором она вдруг так некстати напомнила. В первые мгновения не доносилось ни звука – лишь едва слышно работал вентилятор, висевший под потолком телевизор и стоящий в углу музыкальный автомат, в котором Codeine играли тягучую и мрачную балладу «Angels» с демо-альбома 1991-го года (впрочем, вряд ли кому-то было дело до таких подробно-

стей). Затем бородатый обречённо выдохнул, махнул рукой и убрался прочь, а все остальные вернулись к своим делам и разговорам, словно произошедшее было в порядке вещей и совсем не в новинку. Кто-то обсуждал выходку бородатого, кто-то трепался о детях, спорте и политике, а кто-то даже слушал Джереми.

А Джереми, тем временем, заговорил:

– Произошло это всё лет пять так назад, но точно не скажу – память уж подводит. Начать, пожалуй, стоит с того, что я, как и многие из этих почтенных джентльменов, с одним из которых вы совсем недавно уже имели честь познакомиться – кстати, забыл сказать, его зовут Закари – работаем на лесопилке у Джерико. В тот день нам пришлось вкалывать чуть ли не допоздна, уж столько было работы. Нет, то есть, мы, как и все, всегда уходим с работы в шесть, не поймите неправильно, но денёк был не из лёгких. Было уже темно, кто-то отправился в «Приют» опрокинуть по стопке-другой, кто-то к семьям, а я поехал домой на своём пикапе. То есть, как домой... живу-то я в трейлере на самой окраине, почти у въезда в город, вы, должно быть, видели, когда проезжали мимо, ну да это неважно. Вечер, скажу я вам, тогда выдался не в пример лучше, чем сегодня – снег валил такой, что ни пройти ни проехать, свет, как назло, отключился от ветра, и ни одного фонаря в округе не горело – в общем, поездка была не из приятных, чтоб вы понимали. Нет, вы не подумайте – у нас тут очень красиво, особенно летом, про-

сто иногда случаются такие деньки, когда Господь не в духе, они всегда случаются и везде. Ну так вот, еду я себе, значит, домой, да фарами свечу, чтоб хоть что-то разглядеть, и вижу: у обочины, прямо в кювете, метрах в десяти от меня, лежит машина, вся перевёрнутая, покореженная, одни фары горят, иначе я бы и не заметил. Подъезжаю ближе, гляжу – а машина-то старая, в моё время на таких лихие парни девчонок цепляли, если вы понимаете, о чём. Не думал я, что кто-то мог после такого выжить, но и не посмотреть тоже не мог, в общем, подхожу я, заглядываю внутрь, а там – совсем ещё молодой парнишка, совсем ещё юнец, десятку готов поставить, что восемнадцать только вчера исполнилось, ну, то есть, тогда был готов поставить, потому что не знал, а потом как присмотрюсь и вижу, что умён он не по годам, знаете, когда сразу видно, что человек старше своих лет и уже успел повидать кое-что на свете, ну и дерьма, конечно, хлебнуть – я таких вижу сразу, это ни с чем не спутаешь... Ну, в общем, лежит он весь в крови, все переломано, да сам еле дышит, но живой. Ясное дело, не «скорую» же с полицией в такую погоду вызывать, так что машину я его бросил, а самого – за плечо, к себе в пикап и до трейлера, там остановил кровь, перебинтовал, как умел, обогрел, в общем, чем смог, тем помог. У него жар был, лихорадка, и всю ночь он всё какую-то Алису звал. Ну да в этом ничего такого – кого ещё мы зовём в беспамятстве, как не наших женщин? В себя он пришёл только на утро.

– Где я? – спрашивает, а сам по сторонам озирается, как зверь загнанный, ну, ясное дело, не доверяет. Как в фильмах этих ваших, про спецагентов и всю эту хрень.

– Парадайз-Сити, – говорю. – Добро пожаловать, сынок.

А он мне:

– Впервые слышу. Это ж в каком штате у нас такой город?

– В таком, которого пока нет на карте. Потому как город наш такой один-единственный на всём свете. Считай, у нас тут что-то типа Зазеркалья.

– Вот как. Думаю, старик, мы с тобой ещё дойдём до момента, когда ты расскажешь, что за убойное дерьмо ты тут куришь и поделишься номером своего дилера, а пока скажи мне, как я здесь оказался? Ничего не помню. Вроде ехал по трассе, был сильный снегопад, потом машину занесло, а дальше...

– А дальше ты чуть не умер, – говорю, – но тебе повезло, что поблизости оказался я. Теперь ты здесь. Считай, что бог милостив к тебе.

– А может, я просто умер и попал в рай? – спрашивает. – А ты какой-нибудь типа апостол – или кто там у вас – и встречаешь меня у самых врат, м?

Пошутить он не дурак, скажу я вам, этот малец, ну да вы сами, наверное, уже поняли.

– Может быть и так, – отвечаю, а сам лукаво так улыбаюсь, ну, как бы подыгрываю. – Но в любом случае тебе нужен врач.

Это была чистая правда – я, хоть и сделал, что мог, но положение его было катастрофически худо, он и сам это понял, когда встать попытался, но не смог, да ещё и как заорал – оно и понятно, так навернуться и столько всего себе попереломать. Хотя я и не такое на своём веку повидал, чего уж тут.

Я вызвал «скорую», и пока они ехали, вот что спросил, как бы невзначай:

– А ты сам-то в бога веришь, сынок?

– Верю, когда другого выхода не остаётся, – говорит. – Но в остальное время предпочитаю у него перед глазами не отсвечивать. От греха, как говорится, подальше.

– Ну и богохульник же вы, молодой человек, – с укоризной отвечаю ему.

– В воскресной школе мне сказали тоже самое. А потом сказали маме, чтобы я там больше не появлялся. Но, думаю, я бы не появлялся даже если бы не сказали. Видите ли, с богом в мяч особо не погоняешь.

Когда приехали врачи и забрали его в больницу, я поехал вместе с ним. Знаете, как в одной книге: «мы в ответе за тех, кому помогли». Или там по-другому было... У меня ведь сына никогда не было, и в тот момент что-такое отеческое внутри проснулось. В общем, понравился мне этот юноша и хотел я узнать, что с ним такое и что будет, да мне и по долгу положено, но вы, правда, пока, наверное, не понимаете, о чём я. Ещё я, конечно, просто хотел убедиться, что с ним всё будет о'кей. В больнице его осмотрела Элиза – молоденькая,

стройная, красавица, волосы рыжие, кудрявые и короткие, как будто кто-то обрезал наполовину, если вы понимаете, о чём я, хотя вы ведь девушка, значит, понимаете – кроме вас самих никто ваши штуки все эти и не понимает; глаза у неё цвета хорошего виски, улыбка светлая и невинная, как будто ребёнок улыбается, сама – всегда вежливая, скромная, прямо ходячая доброжелательность, в общем, отрада для глаз, а не девушка, мне бы такую девушку в своё время встретить, да только... ладно. Что ещё хочу сказать – они очень похожи были, Элиза наша и этот парень, прямо как брат с сестрой, а сами глядят друг на друга, как кот на кошку в первые дни марта, если вы понимаете, о чём я. Элиза – она у нас чуть ли не единственный доктор на весь город, и, скажу вам честно, больница у нас, так, «для галочки», чтоб была и никаких вопросов не было лишних ни у кого, у нас ведь, как бы это сказать, люди практически никогда не болеют, да и живут дольше обычного, вы второго такого места во всём мире не сыщете, поверьте мне на слово – так вот, Элиза сказала, что всё будет в порядке, сделают ему пару лёгких операций, отлежится чуток, попьёт таблетки и укатит к себе восвояси. Ну, я на том и вышел – пусть, думаю, поболтают, чего мне, старому, им, молодым, глаза-то мозолить.

И всё вроде бы как надо, но тут, значит, приезжает Кейн – шериф, то есть, наш, будь он неладен – и давай со своими расспросами-допросами к парню лезть, мол, как зовут, как очутился, что помнишь, откуда машина, куда ехал и прочее,

ну прямо «Си-Эс-Ай» какой-то, ни дать ни взять. Кхм. Вы поймите – Кейн, он мужик не злой, правильный, просто работа у него такая. Это как если бы деревья возмущались насчёт того, что мы их вырубаем, пилим и пускаем на стройматериалы, чтобы было, чем дома укреплять. И вот в чём дело. парень-то ничего не помнит, даже имени своего, как будто его и нет у него вовсе, Кейн, ясное дело, начинает понимать, что что-то не клеится, и тут вступает Элиза и говорит, мол, зовут его так-то, он мой брат, приехал оттуда-то навестить и пожить у меня, до тех пор, разумеется, пока не найдёт работу и отдельное жильё, он ведь к нам насовсем, говорит, с концами, больно городок, говорит, приглянулся. А сама-то смотрит так, знаете, ехидно, того и гляди – лопнет как пузырь, не сдержится и засмеётся. Нет, правда, вы бы видели глаза парня – мне кажется, он её убить там был готов, меня самого чуть не расперло, бог свидетель, давненько мне так смешно не было. В общем, понял я тогда, что из этих двоих парочка будет что надо – такие, если им дать волю, мир по камешку разберут, а потом разожгут костёр на его руинах и будут любить друг друга до самого рассвета, если вы понимаете, о чём я, хотя я вижу, что понимаете – вон аж как покраснели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.